ЗАГАДКИ И ТАЙНЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Джон Хемминг

ЗАВОЕВАНИЕ ИМПЕРИИ ИНКОВ

Здесь возникла и процветала великая цивилизация инков с развитой политической системой, огромными, построенными по законам симметрии городами...

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Джон Хемминг
Завоевание империи инков. Проклятие исчезнувшей цивилизации

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142253
Завоевание империи инков. Проклятие исчезнувшей цивилизации / Пер. с англ. Л.А. Карповой.: Центрполиграф; Москва; 2009
ISBN 978-5-9524-3876-7

Аннотация

В книге рассказывается о завоевании цветущей могущественной империи инков испанскими конкистадорами, о том, как развитая цивилизация постепенно превращалась в зависимую провинцию Испании и какими методами завоеватели насаждали свою деспотию. Автор рисует портреты целой плеяды Великих Инков, военачальников и полководцев – иноземцев, с именами которых связана трагическая и загадочная история перуанских индейцев, знакомит с искусством, религией, достижениями, традициями и обрядами великого народа.

Содержание

Предисловие 4
Глава 1 13
Глава 2 55
Глава 3 102
Конец ознакомительного фрагмента. 104

Джон Хемминг
Завоевание империи инков. Проклятие исчезнувшей цивилизации

Предисловие

Причиной для написания книги, которую вы держите в руках, послужило любопытство. Почти год я провел в разных районах Перу за изучением исторических памятников. Меня увлекла тема испанского владычества, в особенности взаимоотношения испанцев и коренных жителей Перу. Таким образом, в книге уделено внимание контактам обеих наций, охватившим все слои перуанского общества, начиная с правящих кругов и заканчивая бедными крестьянами и рудокопами.

Моей целью не было рассмотрение социального уклада инков: этой теме посвящено множество прекрасных книг. Я решил описать образ жизни инков, а также испанское общество и трагические последствия гражданской войны, разгоревшейся между завоевателями.

У меня появилась возможность прояснить некоторые

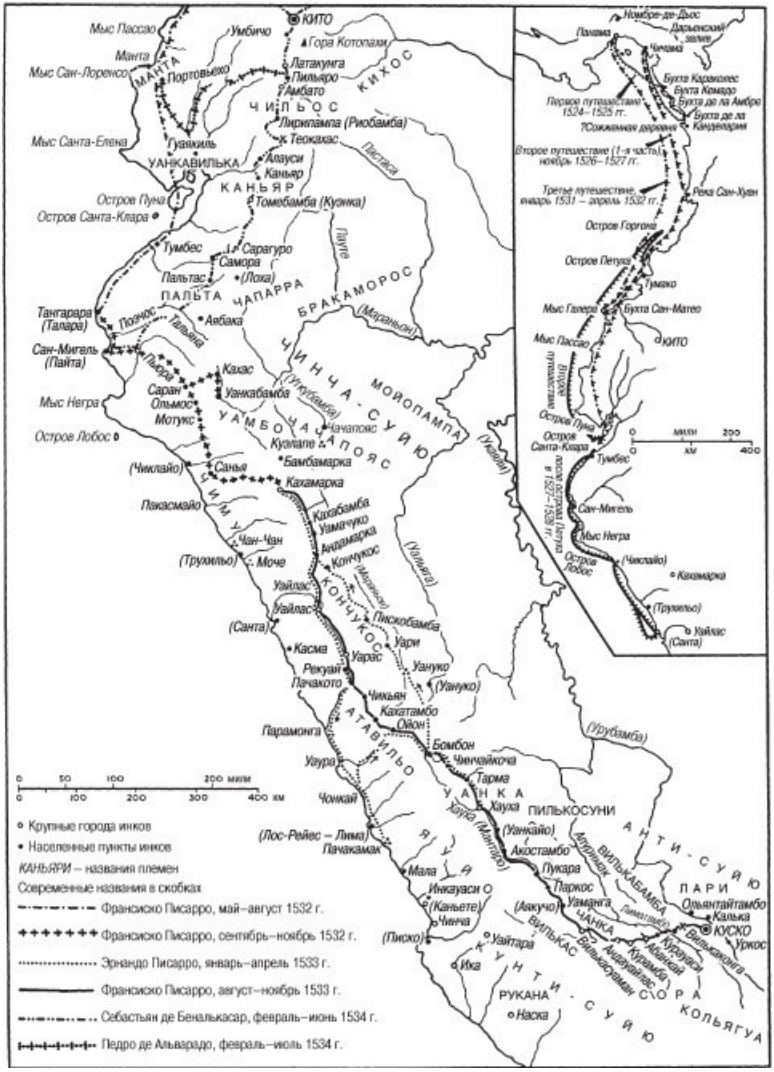
неточности, встречающиеся в повествованиях некоторых историков. Было принято считать, что инки сдались испанцам без борьбы. К чести инков должен сказать, что в стране постоянно вспыхивали восстания местных жителей. Захват Кито и второй мятеж Инки Манко ранее не получали подробного освещения в исторической литературе. Мало упоминалось и о Вилькабамбе, где Инка Манко и его сыновья предпринимали попытки сопротивления или сотрудничества с испанскими завоевателями.

Сведения о поведении испанцев в Перу также отличаются противоречивостью. Миф о зверствах испанцев по-прежнему находится под вопросом. Я попытался найти золотую середину между совершенно противоположными мнениями. Этот вопрос предоставляет ученым обширное поле деятельности для исследований и дискуссий. Точная картина жизни Перу в период установления колониального ига появляется после тщательного изучения правительственных и законодательных актов.

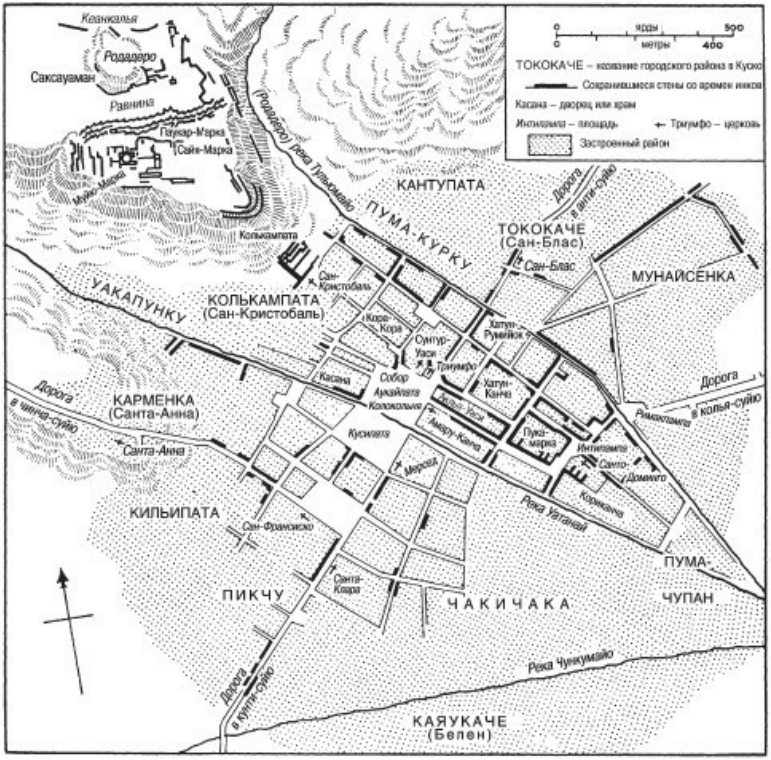
Судьба последних инков также представляет большой интерес. Я решил описать жизнь наследников королевского дома Инков и проследить их генеалогическое древо.

Захваченное испанцами Перу было последней высокоразвитой цивилизацией, полностью скрытой от внешнего мира. Но хотя история завоевания кажется поистине фантастической, ее участниками были реальные люди. Я поставил перед собой задачу показать не наследников блистательной и бога-

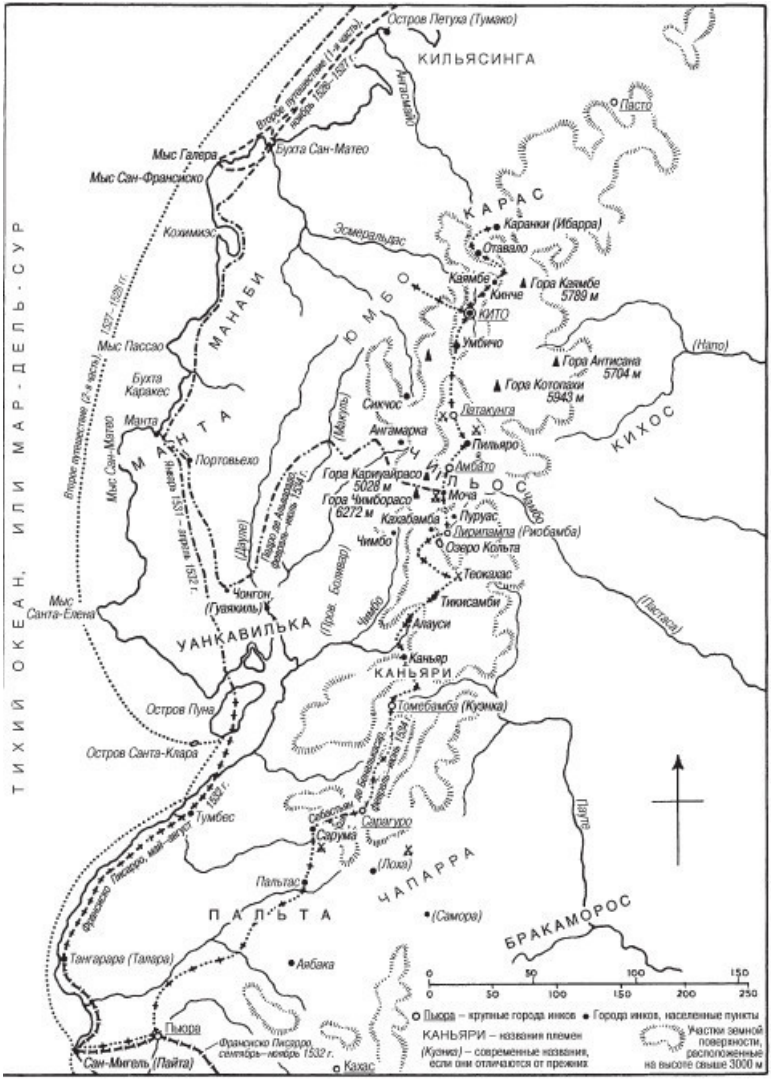
тейшей империи, а обычных людей, борющихся с врагами. Насколько успешно ее удалось осуществить, судить вам.


КИТО
Мыс Пассао
Умбичо
Гора Котопахи
Манта
Латакунга
Мыс Сан-Лоренсо
МАНТА
Портовьехо
Пильяро
Амбато
КИХОС
ЧИЛЬОС
Лирипампа (Риобамба)
Мыс Санта-Елена
Гуаякиль
Теокахас
УАНКАВИЛЬКА
Алаусн
Каньяр
КАНЬЯР
Остров Пуна
Томебамба (Куэнка)
Остров Санта-Клара
Пастаса
Пауте
Тумбес
Сарагуро
Самора
Пальтас
(Лоха)
ПАЛЬТА
ЧАПАРРА
БРАКАМОРОС
Тангарара (Талара)
Поэнос
Авабака
Сан-Мигель (Пайта)
Пальма
Пьура
Кахас
(Марньон)
Саран
Ольмос
Мотукс
Уанкабамба
(Утубамба)
ЧИНЧА-СУЮ
МОЙОПАМПА
Мыс Негра
УАМБОЯ
ЧАЛАПОЯС
Чачапояс
Остров Лобос
Куэлапе
Бамбамарка
(Чиклайо)
Саньо
Кахамарка
(Уальга)
ЧИМУ
Пакасмайо
Кахабамба
Уамачуко
Андамарка
Чан-Чан
(Трухильо)
Моче
Кончукос
(Мантаро)
(Уальга)
Уайлас
КОНЧУКОС
Уайлас
(Санта)
Пискобамба
Касма
Уари
Уарас
Вануко
Рекуай
(Вануко)
Пачакото
Чикьян
Кахатамбо
АТАВИЛЬО
Парамонга
Ойон
Бомбон
(Урубамба)
Чинчайкоча
Тарма
Уаура
ЧАНКА
Чонкай
Хауха
ПИЛЬКОСУНИ
Хауха (Мантаро)
(Лос-Рейес – Лима)
Пачакамак
(Уанкайо)
Акостамбо
АНТИ-СУЮ
Мала
Пукара
ВИЛЬКАБАМБА
Инкауаси
(Каньете)
Паркос
ПАРИ
(Аякучо)
Уаманга
Ольянтайтамбо
Чинча
ЧАНКА
Калька
(Писко)
Уайтара
ВИЛЬКАС
ЮСКО
Урко
Ика
КУНТИ-СУЮ
СОРА
КОЛЬЯГУА
РУКАНА
Наска
0 50 100 200 миль
0 100 200 300 400 км
Крупные города инков
Населенные пункты инков
КАНЬЯРИ – названия племен
Современные названия в скобках
Франсиско Писарро, май–август 1532 г.
Франсиско Писарро, сентябрь–ноябрь 1532 г.
Эрнандо Писарро, январь–апрель 1533 г.
Франсиско Писарро, август–ноябрь 1533 г.
Себастьян де Бенальказар, февраль–июнь 1534 г.
Педро де Альварадо, февраль–июль 1534 г.
Номбре-де-Дьос
Панама
Дарьенский залив
Чикама
Бухта Караколес
Бухта Комадо
Первое путешествие 1524–1525 гг.
Бухта де ла Амбре
Бухта де ла Канделярии
Сожженная дорога
Второе путешествие (1-я часть) ноябрь 1526–1527 гг.
Третье путешествие, январь 1531 – апрель 1532 гг.
Река Сан-Хуан
Остров Горгона
Остров Пепуа
Тумако
Мыс Галера
Бухта Сан-Матео
Мыс Пассао
КИТО
Второе путешествие
Остров Пуна
Остров Санта-Клара
Тумбес
Сан-Мигель
Мыс Негра
Остров Лобос
(Чиклайо)
Кахамарка
(Трухильо)
Хайлас (Санта)
Путешествие 1527–1528 гг.
0 миль 200
0 км 400

Первые путешествия и поход на Куско

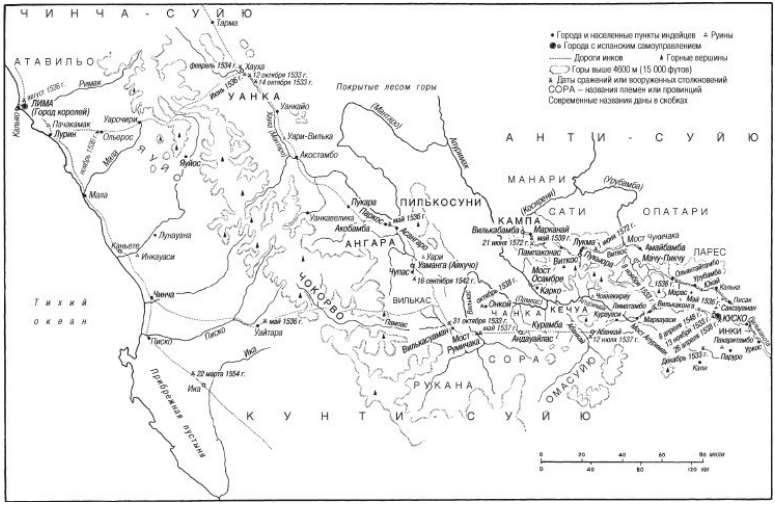


Куско в период конкисты

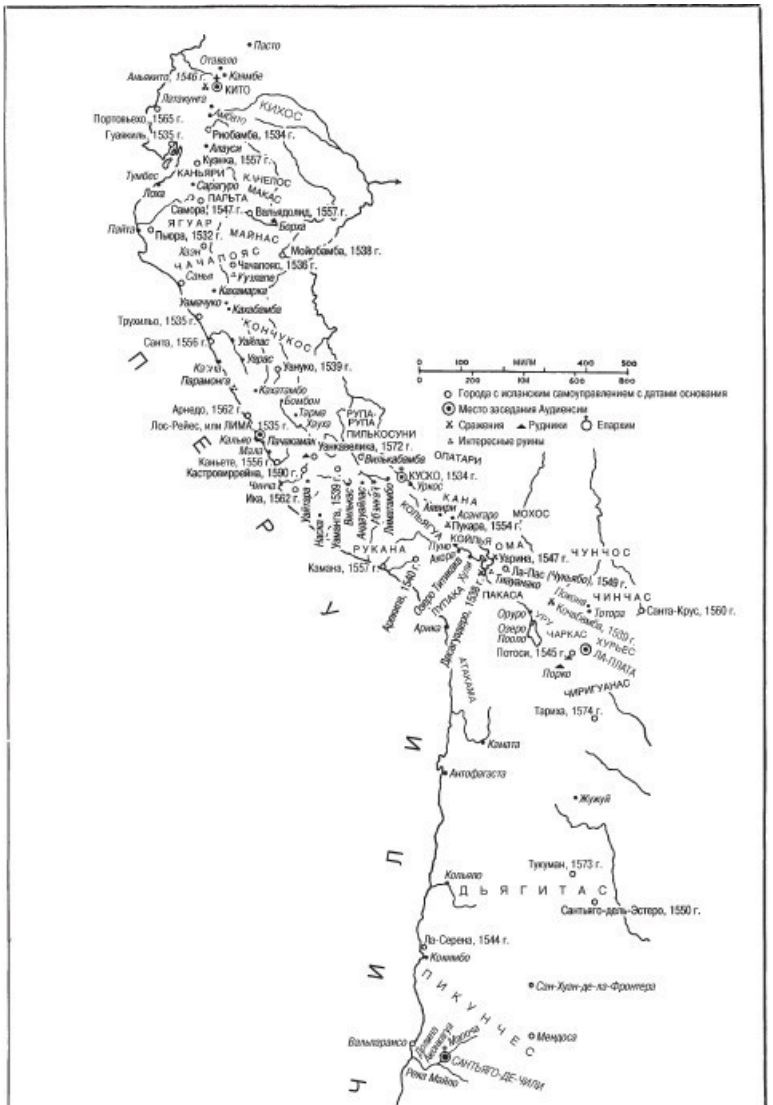


Остров Петуха (Тумако)
КИЛЬЯСИНГА
Ангасмайо
Пасто
Второе путешествие (1-я часть), ноябрь 1526–1527 г.
Мыс Галера
Бухта Сан-Матео
Мыс Сан-Франсиско
КАРАС
Каранки (Ибарра)
Отавало
Эсмеральдас
Кохимиэс
Каямбе
Кинче
Гора Каямбе 5789 м
КИТО
ЮМБО
МАНАБИ
Умбичо
Мыс Пассао
Гора Антисана 5704 м
(Напо)
Бухта Каракес
Гора Котопахи 5943 м
Сикчос
Латакунга
Манта
МАНТА
Ангамарка
Пильяро
КИХОС
Портовьехо
Амбато
Гора Кариуайрасо 5028 м
ЧИМБОРАСО
Гора Чимборасо 6272 м
Моча
Чимбо
Кахабамба
Пуруас
Лирипампа (Риобамба)
Озеро Кольта
Чимбо
Теокахас
Тикисамби
Чонгон (Гуаякиль)
Мыс Санта-Елена
УАНКАВИЛЬКА
Алауси
(Пастаса)
Каньяр
КАНЬЯРИ
Томебамба (Кузнка)
Остров Пуна
Остров Санта-Клара
Тумбес
Сабасьяна
Сарагуро
Сарума
(Лоха)
Пальтас
ЧАПАРРА
ПАЛЬТА
(Самора)
БРАКАМОРОС
Тангарара (Талара)
Аябака
Пьюра
Сан-Мигель (Пайта)
Франсиско Писарро, сентябрь–ноябрь 1532 г.
Кахас
ТИХИЙ ОКЕАН, ИЛИ МАР-ДЕЛЬ-СУР
0 50 100 150
0 50 100 150 200 250
Пьюра – крупные города инков
Города инков, населенные пункты
КАНЬЯРИ – названия племен
(Кузнка) – современные названия, если они отличаются от прежних
Участки земной поверхности, расположенные на высоте свыше 3000 м

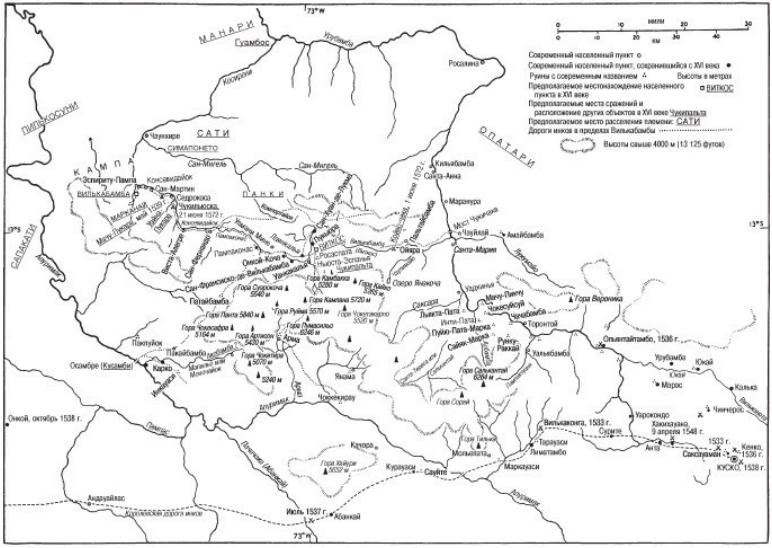
Китонская кампания



Южная часть Перу во время восстания под предводительством Инки Манко в период гражданских войн


Пасто
Отавало
Альмагро, 1546 г.
Каамбе
КИТО
Латакунга
Портовьехо, 1565 г.
Гуаякиль, 1535 г.
Риобамба, 1534 г.
Алауси
Куенка, 1557 г.
Тумбес
Лоха
КАНЬЯРИ
Сарагуро
ПАЛЬТА
Самора, 1547 г.
Вальядолид, 1557 г.
Лайта
Пьура, 1532 г.
Берна
Мойобамба, 1538 г.
Чачапояс, 1536 г.
Кутабамба
Каскамарка
Хамбуко
Кахабамба
Трухильо, 1535 г.
Санта, 1556 г.
Уайлас
Хуарас
Хунуко, 1539 г.
Кокатамбо
Бомбон
Тарма
Хауха
Арекипа, 1562 г.
Лос-Рейес, или ЛИМА, 1535 г.
Кальао
Лучкамайо
Ванкавелика, 1572 г.
Вильякамба
Каньете, 1556 г.
Кастровиррейна, 1590 г.
Чилка
Ика, 1562 г.
КУСКО, 1534 г.
Уркос
ОЛАТАРИ
КАНА
Авариси
Асангаро
МОХОС
Пукара, 1554 г.
КОЙЛЬЯ
ОМА
Уарина, 1547 г.
Ла-Пас (Чукьябо), 1549 г.
Пикиаиико
РУКАНА
Камана, 1557 г.
Арикета, 1540 г.
Оруро
Тупиза
ПАКАСА
Арика
Виллаиуарра, 1539 г.
Орурро
Сокоро
Пасоло
Потоси, 1545 г.
Порко
Тарика, 1574 г.
Кинта
Антофагаста
Жужуй
Тукуман, 1573 г.
Кольяко
Сантьяго-дель-Эстеро, 1550 г.
Ла-Серена, 1544 г.
Коиимбо
Сан-Хуан-де-ла-Фронтера
Мендоса
Вальпараисо
Рио-Мауле
Рио-Колорадо
Рио-Мендоса
САНТЬЯГО-ДЕ-ЧИЛИ
Рио-Майпо
ПЕРУ
ЧИЛИ
ЧУНЧОС
ЧИНЧАС
Санта-Крус, 1560 г.
Тотора
Кочабамба, 1530 г.
ЧАРКАС
ЛА-ПЛАТА
ЧИРИГУАНАС
ДЬЯГИТАС
ПИКУНЧЕС
0 100 МИЛИ 400 500
0 200 КМ 600 800
Города с испанским самоуправлением с датами основания
Место заседания Аудиенсии
Сражения
Рудники
Епархии
Интересные руины

Оккупация испанцами империи инков



Современный населенный пункт
Современный населенный пункт, соответствующий с XVI веком
Руины с современным названием
Высоты в метрах
Предполагаемое местонахождение населенного пункта в XVI веке
ВИТКОС
Предполагаемые места сражений и расположение других объектов в XVI веке Чукипальта
Предполагаемое место расселения племени САТИ
Дороги инков в предела Вилькабамбы
Высоты свыше 4000 м (13 125 футов)

Вилькабамба

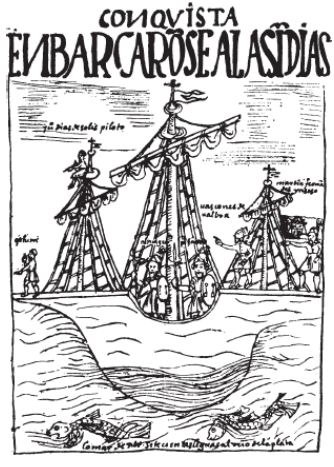
Глава 1
Кахамарка

25 сентября 1513 года отряд измученных испанских путешественников пробился через леса Панамы и вышел к океану: это было Мар-дель-Сур, Южное море, или Тихий океан. Эту экспедицию возглавлял Васко Нуньес де Бальбоа, и одним из старших офицеров у него был тридцатипятилетний капитан по имени Франсиско Писарро. Спустя шесть лет после открытия испанцы основали на Тихоокеанском побережье перешейка городок Панаму. Панама стала базой для постройки кораблей, которые предназначались для исследования и использования в своих интересах этого неизвестного моря.

В эти годы развитие Испании происходило как взрыв. На протяжении Средних веков рыцари-крестоносцы Кастилии изгоняли мусульман с Иберийского полуострова. Окончательная победа реконкисты произошла в январе 1429 года со сдачей Гранады кастильцам, которыми командовал король Фердинанд Арагонский. Спустя несколько месяцев в том же году Христофор Колумб вышел на кораблях в Атлантический океан, поплыл на запад и высадился на островах Карибского моря. Последующие годы прошли в установлении испанского присутствия на островах Вест-Индии и в иссле-

дованиях северного побережья Южной Америки. Франсиско Писарро принимал участие во многих из этих экспедиций, которые, в сущности, были жестокими, не сулящими награды набегами на племена, жившие в лесах Америки.

Точка зрения европейцев на обе Америки – или, как их тогда называли, Вест-Индию – резко изменилась, когда в 1519 году Эрнан Кортес открыл и вторгся в могущественную империю ацтеков в Мексике. У Кортеса в отряде было только около 500 человек и 16 лошадей, но опыт помог ему одержать победу над союзом восставших против него племен. Благодаря искусной дипломатии, выдержке и безжалостной храбрости своих солдат Кортес завоевал империю, полную экзотического великолепия. Испания, страна с населением менее 10 миллионов человек, захватила территорию, по своему населению и богатству равную себе. Достижения Кортеса развеяли романтические представления испанцев. Младшие сыновья феодалов и испанцы, принадлежавшие ко всем слоям общества, подстегиваемые нетерпением, поплыли через Атлантику в поисках приключений и богатств.



Писарро и Альмагро отплывают в Перу

Пока Кортес завоевывал Мексику, испанцы начали исследовать Тихоокеанское побережье Южной Америки. В 1522 году Паскуаль де Андагойя проплыл около 200 миль вдоль побережья Колумбии и поднялся по реке Сан-Хуан. Он искал племя, которое называлось «виру» или «биру»; и название этого племени, изменившееся до «перу», стало названием страны, лежащей далеко к югу.

Три компаньона приобрели корабли Андагойи, и им удалось достать деньги на снаряжение еще одного плавания. Этими тремя были: Франсиско Писарро, Диего де Альмагро – оба они жили в Панаме и являлись там владельцами

некоторой собственности – и священник Эрнандо де Луке, который, очевидно, действовал как доверенное лицо судьи Гаспара де Эспинозы, оказавшего финансовую помощь этой троице. Писарро отплыл в ноябре 1524 года с 80 солдатами и 4 лошадьми. Эта первая экспедиция не была успешной: она достигла места, которое испанцы назвали – по понятным причинам – Порт Голода, а Альмагро потерял глаз в стычке с местными жителями у сожженной деревни. Никаких богатств не было найдено вдоль побережья, и путешественникам с трудом удалось уговорить Эспинозу финансировать их следующую попытку.

10 марта 1526 года три компаньона заключили формальный контракт, и Писарро отплыл спустя восемь месяцев. Он взял с собой 160 человек и несколько лошадей, разместившихся на двух небольших кораблях, которые вел опытный лоцман Бартоломе Руис. Экспедиция разделилась: Писарро встал лагерем у реки Сан-Хуан, Альмагро отправился за подкреплением, а Руис поплыл на юг. Впервые корабли Руиса пересекли экватор в Тихом океане, и затем, неожиданно, произошел первый контакт с цивилизацией инков.

Испанские корабли встретили в океане и захватили бальсовый плот, снабженный превосходными парусами из хлопка. Все, кто видел этот плот, не сомневались в том, что он был продуктом развитой цивилизации. Судно плыло по торговым делам с целью обмена изделий инков на темно-красные раковины и кораллы. Поспешное донесение об этом пло-

те было отправлено королю Карлу I, который также являлся императором «Священной Римской империи» Карлом V. «Они везли много изделий из золота и серебра в виде личных украшений, <…> включая короны и диадемы, пояса и браслеты, латы для ног и нагрудники; щипцы и погремушки, нити и гроздья бисера и рубинов; зеркала, украшенные серебром, бокалы и другие сосуды для питья. Они везли много накидок из шерсти и хлопка и мавританские туники… и другие предметы одежды красного, малинового, голубого, желтого и других цветов, украшенные разнообразными вышитыми орнаментами с фигурами птиц, животных, рыб и деревьев. У них были крошечные весы, чтобы взвешивать золото… В мешочках для бусин находились небольшие камни: изумруды, халцедоны и другие драгоценные камни и кусочки хрусталя и камеди. Они везли все это, чтобы обменять на морские раковины белого и красного цвета…» Одиннадцать из двадцати человек, находившихся на плоту, прыгнули в море при попытке их захватить, а остальных шестерых лоцман Руис отпустил на берегу. Но троих он предусмотрительно оставил, с тем чтобы, научившись испанскому языку, они стали переводчиками для завоевателей этой загадочной страны.

Руис присоединился к Писарро и повез экспедицию на юг, чтобы исследовать побережье Эквадора. Они приплыли к необитаемому острову Исла-дель-Гальо, острову Петуха, в устье реки Тумако. Это были бесплодные, с влажным клима-

том берега, изобилующие гибельными мангровыми болотами. Испанцы ужасно страдали. От голода и болезней умирало в неделю по 3–4 человека. Когда экспедиция уже потеряла значительную часть людей, отчаянный вопль о помощи от тех, кто уцелел, достиг губернатора Панамы. 29 августа 1527 года он начал всестороннее расследование и распорядился, чтобы любому, пожелавшему вернуться, была предоставлена такая возможность. Экспедиция продолжалась главным образом благодаря фанатической решимости Франсиско Писарро. На песке острова он провел линию и бросил своим людям вызов: кто хочет, пусть пересечет ее и останется с ним. Тринадцать смельчаков сделали это. Они остались с Писарро на острове и обеспечили продолжение экспедиции.

На следующий год упорство Писарро было вознаграждено. Он поплыл на юг только с горсткой солдат, имея своей целью лишь исследование, а не вторжение, для чего не было взято почти никакого оружия. Экспедиция вошла в залив Гуаякиль, и взорам открылся первый город инков Тумбес. Благородный инка посетил корабль, и испанец Алонсо де Молина сошел на берег с подарками: поросятами и курами. Высокий и стремительный грек Педро де Кандия высадился вместе с ним и подтвердил описание Тумбеса Молиной как города, в котором царит установленный порядок. Здесь наконец-то искатели приключений нашли развитую цивилизацию, которую они искали с таким пылом. Кандия сильно поразил воображение местных жителей, выстрелив в цель из

аркебузы, но эта первая встреча между испанцами и инками была очень сердечной.

Писарро проплыл вдоль побережья Перу до реки Санта, как она и теперь называется. Две другие высадки на берег подтвердили важность открытия и необычность этой загадочной империи. Экспедиция вернулась с доказательствами. Это были ламы, керамические и металлические сосуды, прекрасная одежда и мальчики, которых предстояло обучить испанскому языку и сделать переводчиками. Люди из экспедиции Писарро мельком увидели краешек великой цивилизации, развивавшейся в течение веков в полной изоляции от остальной части человечества.

Исследователи были возбуждены своими открытиями и масштабом возможных завоеваний, но они не смогли вызвать энтузиазма у губернатора Панамы. Они решили послать Писарро назад в Испанию, чтобы заручиться одобрением короля и достать еще денег и людей. Король Карл хорошо принял Писарро в Толедо в середине 1528 года. Писарро повезло, что его приезд совпал с возвращением Кортеса, который очаровал придворных дам щедрыми подарками из мексиканских сокровищ и был пожалован титулом маркиза и другими почестями. Кортес воодушевил Писарро; только благодаря этому бьющему через край восторгу от мыслей о будущем завоевании Мексики Писарро легко удалось завербовать жаждущих приключений молодых авантюристов в своем родном Трухильо-де-Эстремадура. Король Карл дол-

жен был покинуть Толедо, но 26 июля 1529 года королева подписала соглашение, в котором она разрешала Писарро открыть и завоевать Перу. Писарро был объявлен губернатором и генерал-капитаном Перу, Альмагро – комендантом Тумбеса, а Луке был назначен протектором индейцев, и в дальнейшем ему был обещан сан епископа Тумбесского.

Писарро отплыл из Севильи в январе 1530 года на кораблях, полных будущих завоевателей, среди которых были его единокровные братья Эрнандо, Хуан и Гонсало Писарро и Франсиско Мартин де Алькантара. В Панаме Диего де Альмагро выразил – по вполне понятной причине – решительное неудовольствие своим незавидным назначением согласно договору в Толедо. Он согласился продолжить предприятие только после того, как ему было обещано звание маршала и должность губернатора земель, лежащих за пределами владений Писарро.

Третья экспедиция Писарро отплыла из Панамы 27 декабря 1530 года, но по необъяснимой причине высадилась на побережье Эквадора, не достигнув Тумбеса. Потянулись тяжелые месяцы: утомительный поход вдоль тропического побережья, эпидемия бубонной чумы, остановка на мрачном острове Пуна в Гуаякильском заливе и многочисленные стычки с местными жителями. Самое серьезное столкновение произошло при попытке экспедиции пересечь на плотах залив от острова Пуна и высадиться на материке, на территории перуанских инков. Наконец, конкистадоры начали

вторжение в империю инков, но они были еще в ее отдаленном уголке, далеко от ее сказочных городов и богатств. Тумбес, место обещанной епархии, находился в руинах, и не было видно никаких признаков присутствия там испанца, который предпочел остаться там на жительство. Местные жители сказали, что это разрушение произошло в результате междоусобной войны между инками.

Закончился 1531 год, и прошло уже несколько месяцев 1532 года с того дня, когда третья экспедиция покинула Панаму, но Писарро продвигался вперед с осторожностью. Он оставил Тумбес в мае 1532 года и отправился в район Поэчос на реке Чира. Следующие месяцы он провел в исследованиях пустынной северо-западной части Перу. Было потрачено несколько недель на то, чтобы переправить по морю часть людей из Тумбеса в Тангарару, на 120 миль к югу. Чтобы поднять дух людям Писарро, к ним приплыли корабли с подкреплением: закаленный в боях Себастьян де Бенальканасар привез 30 человек из Никарагуа, а отважный Эрнандо де Сото прибыл еще с одним отрядом. Писарро убил местного вождя по имени Амотапе, очевидно, с целью запугать местных жителей этой отдаленной провинции. Затем он выбрал место для первого испанского поселения в этой чужой стране: в середине сентября небольшой церемонией было отмечено основание поселка Сан-Мигель-де-Пьюра недалеко от Тангарары. Около 60 испанцев остались жить в поселке, а Писарро стал поспешно продвигаться в глубь империи ин-

ков с крошечной армией, состоявшей из 62 всадников и 106 пеших солдат. Закончились месяцы колебаний.

24 сентября 1532 года отряд Писарро вышел из поселка Сан-Мигель. Десять дней он провел в Пьюре, ненадолго остановился в Саране (современный Серран), Мотуксе (Мотупе) и 6 ноября достиг Саньи. До сих пор испанцы оставались на прибрежной равнине, узкой пустынной полоске суши между Тихим океаном и Андами, но 8 ноября они решили повернуть в глубь страны и подняться в горы. Инки привыкли жить в горах, их легкие в ходе эволюции приобрели больший объем, чтобы можно было дышать разреженным воздухом. И хотя ими были завоеваны многие цивилизации, расположенные в жарких прибрежных долинах, настоящая империя инков лежала вдоль горных цепей Анд, и именно там любой завоеватель должен был встретиться с инками лицом к лицу.

Сопутствуемые поразительным везением, испанцы из отряда Писарро вторглись в Перу именно в тот момент, когда война за престолонаследие была в самом разгаре. Когда несколько лет назад Писарро впервые плыл по Тихому океану, империей инков безмятежно правил один, почитаемый всеми, Великий Инка Уайна-Капак. Его владения простирались почти на 3 тысячи миль вдоль Анд, от Центрального Чили до юга современной Колумбии. Это больше, чем расстояние от Западного до Восточного побережья США, и больше, чем расстояние от Атлантического побережья Евро-

пы до Каспийского моря. Тихий океан омывал границы империи инков на западе, а леса бассейна Амазонки простирались на востоке, и инки пребывали в уверенности, что их империя поглотила почти весь цивилизованный мир.

В течение многих лет Уайна-Капак стоял во главе профессиональной армии империи, которая воевала с племенами на ее северных границах, в Пасто и Попаяне в Колумбии. Борьба была упорной, и военная кампания затягивалась. Инка и его приближенные давно уже не жили в Куско, столице империи, и Уайна-Капак подумывал о том, чтобы создать вторую столицу на севере, в Кито или Томебамбе. Именно во время этой военной кампании Уайна-Капаку впервые донесли о появлении высоких чужестранцев с моря. Но ему не было суждено увидеть европейцев. Его армию и двор внезапно охватила сильная эпидемия, и Уайна-Капак умер в горячечном бреду в период между 1525-м и 1527 годом. Возможно, болезнью была малярия, но могла быть и оспа. Испанцы привезли с собой оспу из Европы, и она неудержимо распространилась по Карибскому бассейну среди народов, не имевших к ней иммунитета. Она легко могла передаваться от племени к племени по всей Колумбии и настичь армию инков задолго до того, как сами испанцы приплыли к побережью. Эпидемия скосила большую часть приближенных Инки. В их число попал и вероятный наследник Уайна-Капака Нинан Куйучи. «Умерло и простого народа без счета».

Преждевременная смерть Великого Инки Уайна-Капака

и его наследника создала неопределенную ситуацию. Наиболее вероятным преемником был сын Инки Уаскар, который принял бразды правления в столице Куско. Другой сын, Атауальпа, остался во главе имперской армии в Кито. Вероятно, он исполнял обязанности губернатора этой провинции от имени своего брата, хотя некоторые летописцы отметили, что умирающий Инка решил разделить огромную империю на две части, одну со столицей в Куско, а другую – в Кито. Мы никогда не узнаем правду о том, каким в действительности было завещание Инки. Известно лишь, что после нескольких лет спокойной жизни между двумя братьями вспыхнула междоусобная война. Некоторые испанцы вели в этом походе путевые заметки и дали различные объяснения причин этого конфликта в зависимости от личных симпатий тех местных жителей, которые их информировали. Будучи европейцами, испанцы изо всех сил старались доискаться, притязания кого из братьев, Уаскара или Атауальпы, на трон были самыми «законными». Но это было бесполезно, так как для инков право первородства не имело значения. Для них было важно только, чтобы новый Инка был королевской крови и мог править. Если старший или любимый сын, назначенный наследником, оказывался слабым или неспособным к управлению государством, то в ходе междоусобной войны или дворцового переворота его вскоре смещал более агрессивный брат. Большинство из 11 Инков, которые правили страной до этого времени, пришли к власти

только после некоторой борьбы, в результате чего выдающиеся правители сменяли один другого.

Когда началась междоусобная война, Атауальпа обладал профессиональной армией, которая все еще вела бои на севере под командованием полководцев Чалкучимы, Кискиса и Руминьяви. Уаскару осталась верна большая часть его подданных. Всего за несколько лет отношения между двумя братьями развились в открытый конфликт. Народное ополчение Уаскара предприняло попытку вторгнуться в Кито, но после начального успеха было отброшено на юг, через Анды, закаленными в боях регулярными частями, верными Атауальпе. Серия сокрушительных побед китонцев завершилась поражением и взятием в плен Уаскара в генеральном сражении у Куско. Многие народы империи считали одерживающих победы китонцев врагами и захватчиками, и профессионалы отвечали им жестокостью, которой они научились во время походов на север. Атауальпа подвергнул опустошению провинцию, где жило племя каньяри, в наказание за интриги его вождя. Полководец Кискис, захвативший Куско, вознамерился истребить всех членов семьи Уаскара, чтобы избавиться от любых других претендентов. Он отослал пленного Инку на север под сильной охраной. Чалкучима, верховный главнокомандующий Атауальпы, удерживал район в центральных Андах вместе с еще одной армией, находившейся в Хаухе, в то время как полководец Руминьяви был оставлен командовать войсками в Кито. Сам Атауальпа со-

вершал триумфальное шествие на юг вслед за своими военачальниками.

Писарро начал свой поход вдоль перуанского побережья как раз тогда, когда эта яростная гражданская война подходила к концу. Его люди увидели достаточно свидетельств недавних боев. Тумбес был разрушен. Когда Эрнандо де Сото отправился в глубь страны на разведку, он достиг города Кахаса, «пребывавшего в руинах после сражений, которые вел Атауальпа. В горах на деревьях во множестве висели тела индейцев, потому что они не согласились сдаться: ведь все эти деревни изначально принадлежали Куско [Уаскару], которого они признавали своим господином и которому они платили дань».

Когда Писарро узнал о междоусобице, он тут же понял, как полезна она ему может оказаться. Двенадцатью годами раньше Кортес блестяще сыграл на соперническихразногласиях во время завоевания Мексики. Писарро надеялся сделать то же самое.

Другим исключительным совпадением было то, что лагерь победителя – Атауальпы – случайно оказался в горах у Кахамарки, недалеко от линии движения Писарро. Донесения достигли Атауальпы, как только испанцы высадились на материке. В них сообщалось, что они занимаются грабежами и жестоко обращаются с населением. Но Атауальпа был слишком поглощен междоусобной войной, чтобы особенно беспокоиться о передвижениях 150 чужестранцев. Он был полно-

стью занят делами своей армии, оккупированием вновь завоеванной империи, планированием своей поездки в Куско и ожиданием донесений от своих военачальников с юга. Когда Писарро со своими людьми вышел из поселка Сан-Мигель, Атауальпа еще не знал, выиграл или проиграл полководец Кискис сражение за Куско. Но он послал одного из своих близких советников все разузнать про чужестранцев. Этот благородный инка прибыл в Кахас в то время, когда там находился разведывательный отряд Сото, и сразу же произвел на испанцев впечатление своей властью. Они отметили, что местный вождь «сильно испугался и встал, так как он не смел сидеть в его присутствии». А когда посланник прибыл в лагерь Писарро, «он вошел так непринужденно, как будто он воспитывался и всю жизнь провел среди испанцев. Выполнив свою дипломатическую миссию, он с охотою пробыл с нами два или три дня». В качестве подарков посланец Атауальпы привез фаршированных уток и два керамических сосуда в форме крепостей. Недоверчивые испанцы заподозрили, что утки, с которых была снята кожа, символизировали ту участь, которая ожидала захватчиков, а сосуды в виде крепостей должны были указать им на то, что впереди они увидят еще много крепостей на своем пути.

У посланника был также приказ доложить о численности и вооружении отряда Писарро. В течение двух дней он находился среди испанцев, ходил по лагерю, осматривая каждую деталь их вооружения, лошадей и ведя счет. Он попросил

испанцев показать ему их мечи. «С этой целью он подошел к одному испанцу и коснулся рукой его бороды. Тот испанец ударил инку несколько раз. Когда дон Франсиско Писарро услышал об этом, он заявил, что никто не должен трогать этого индейца, что бы он ни делал». Посланник пригласил Писарро проследовать в Кахамарку для встречи с Атауальпой. Писарро принял приглашение и послал Инке в подарок прекрасную голландскую рубашку и два кубка из венецианского стекла.

Небольшой отряд захватчиков повернул в глубь страны и, поднимаясь в Анды, оставил позади Тихий океан. Вероятно, испанцы шли по дороге инков, двигаясь вверх по течению реки Чонгойяпе. От песков прибрежной пустыни они дошли до плантаций сахарного тростника и хлопка. По мере того как они поднимались по предгорьям Анд, долина сузилась в каньон, склоны которого были покрыты полями и террасами. У истока реки Чанкай отряд Писарро, вероятно, повернул на юг и двинулся вдоль водораздела, пересекая безлесую саванну на высоте около 13 500 футов. Испанцы испытывали тревогу, возбужденные быстрой сменой высоты; вид укреплений и сторожевых башен инков, лежащих на их пути, лишал их покоя. Но Атауальпа решил позволить чужестранцам проникнуть в горы, и его воины не предпринимали ничего, чтобы задержать их продвижение.

Испанцам повезло, что Атауальпа решил не препятствовать их переходу через горы, так как они двигались по чрез-

вычайно пересеченной местности; этот регион и сейчас труднодоступен. Эрнандо Писарро писал: «Дорога была так плоха, что они легко могли бы захватить нас или там, или на другом перевале по пути в Кахамарку, так как мы не могли воспользоваться лошадьми на дорогах даже при известном умении, а сойти с дороги не могли ни кони, ни пешие солдаты». Эта оценка была разумной: спустя четыре года менее профессиональная армия инков уничтожила такой же по величине отряд в схожих условиях местности.

Наконец, в пятницу 15 ноября испанцы спустились с гор, и перед их глазами открылась долина Кахамарка. Это красивая плодородная долина всего несколько миль шириной, но она удивительно плоская, что очень редко встречается в Андах, где мир состоит из вертикалей, где почти все реки несутся по обрывистым каньонам, а ровная горизонтальная поверхность находится высоко, и это бесплодные почвы саванн. В наши дни в эвкалиптовых рощах долины Кахамарки пасутся коровы; ее гордость – шоколадная фабрика. Земля долины усеяна миллионами глиняных черепков, расписанных замысловатыми геометрическими узорами, относящимися к доинковскому периоду. А на пустынных склонах гор над городом пролегают причудливые каналы и видны непонятные рисунки, вырезанные на обнаженных скальных породах. Современная Кахамарка – это очаровательный испанский городок: здесь и домики с красными крышами, и замечательный собор, и прекрасные монастыри в колониальном

стиле.

Писарро остановил своих людей у края долины, чтобы дождаться арьергарда, а затем четким маршевым строем, разбившись на три эскадрона, отряд двинулся вниз. Атауальпа приказал, чтобы его армия встала лагерем за пределами города. И армейские походные палатки усеяли склоны окрестных гор. «Лагерь индейцев выглядел как очень красивый город. Было видно так много палаток, что сердца наши поистине охватила тревога. Мы никогда не думали, что индейцы могут поддерживать порядок в таком большом лагере и так хорошо содержать свои владения. Ничего, подобного этому, мы здесь еще не видели. Это зрелище наполнило нас, испанцев, страхом и смятением. Но нам не подобало выказывать страх, а тем более поворачивать назад. Так как если бы они почувствовали в нас хоть малейшую слабость, то те же самые индейцы, которые сопровождали нас, убили бы нас. Итак, проведя тщательное наблюдение за городом и лагерем, мы спустились в долину и вошли в город Кахамарку, всячески показывая свое бодрое расположение духа».

Оказалось, что в самой Кахамарке на тот момент было только 400 или 500 человек из 2 тысяч ее жителей. На ее окраине за оградой был расположен храм Солнца и несколько зданий, предназначенных для священных дев. Эти избранные являлись частью официальной религии империи: поклонения солнцу. Стать одной из них было привилегией правящей верхушки инков. В юном возрасте девочек отби-

рали либо по их знатному происхождению, либо благодаря необычайной красоте. Затем их отправляли в закрытые школы при монастырях в столицах провинций, таких, как Кахас или Кахамарка. В течение четырех лет эти избранные девушки, аклья, ткали тонкое полотно или занимались приготовлением чичи (кукурузного пива) для Инки, его жрецов и приближенных. Некоторые из них затем становились жрицами. Они сохраняли целомудрие, и их жизнь протекала в служении богу солнца и другим святыням. Других аклья отдавали в жены благородным инкам или вождям племен, а самые красивые становились наложницами самого Инки.

Испанцы впервые увидели аклья и жриц в «женском монастыре», когда Эрнандо Писарро проводил разведку в районе Кахаса. Легко себе представить, какое действие произвело на мужчин, которым приходилось обходиться без женщин месяцами, зрелище такого «монастыря», полного прекрасных девушек. Диего де Трухильо вспоминал, что «женщин привели на площадь, где их собралось больше пятисот. Капитан [Сото] отдал многих из них испанцам. Посланник Инки пришел в негодование и сказал: «Как вы смеете делать это, когда Атауальпа находится всего лишь в 20 лигах отсюда! Ни один из вас не останется живым!»

Франсиско Писарро собрал своих людей на площади Кахамарки, которая с трех сторон была окружена длинными постройками, в каждой из которых было по нескольку дверей. Пошел град, и люди укрылись в пустых зданиях. Испан-

цы были полны опасений, но стремились вести себя корректно. Поэтому Писарро послал Эрнандо де Сото нанести визит Атауальпе. С ним отправились 15 всадников и Мартин, один из переводчиков, появившихся во время второго похода испанцев. Посланные должны были спросить Атауальпу, как он желает, чтобы чужестранцы разместились. Вскоре после отъезда Сото Эрнандо Писарро встревожился. Он объяснял: «Я пошел поговорить с губернатором, который отправился осмотреть город на тот случай, если индейцы нападут на нас ночью. Я сказал ему, что, по моему мнению, мы совершили ошибку, послав 15 лучших всадников… Если Атауальпа решится на что-то, эти пятнадцать не смогут защитить себя; а если их постигнет поражение, то это будет очень серьезная потеря. Поэтому губернатор приказал мне взять еще 20 всадников, стоявших наготове, и отправиться вслед, а там действовать, как я сочту нужным». К счастью для нас, среди посланных нанести визит Атауальпе испанцев в тот первый вечер нашлись такие, которые в своих дневниках оставили свидетельские отчеты об этом событии. Это были Эрнандо Писарро, Мигель де Эстете, Хуан Руис де Арсе, Диего де Трухильо и, возможно, Кристобаль де Мена и Педро Писарро.

От Кахамарки до резиденции Инки вела мощеная дорога длиной несколько миль. Атауальпа находился в небольшом здании, расположенном рядом с купальней, – горячие природные источники Коноха и по сей день все еще шипят

и булькают. Испанцы с трепетом продвигались сквозь безмолвный строй армии инков. Им пришлось переправляться через две речки, так что основная часть всадников осталась у второго водного потока, а их военачальники поехали дальше, чтобы найти Атауальпу. «Над домом наслаждений… возвышались две башни. В нем было четыре зала и дворик посередине. В этом дворике был сделан бассейн, к которому были подведены две трубы: с горячей и холодной водой. Эти две трубы шли от источников… расположенных один возле другого. Бассейн предназначался для купания Инки и его женщин. У двери этого здания была лужайка, на которой он и находился вместе со своими женщинами». Наконец, наступил момент, когда первые испанцы должны были предстать перед лицом правителя Перу. «Это был великий властитель Атауальпа… о котором мы знали из донесений и о котором нам столько рассказывали». «Он сидел на небольшой, очень низенькой скамеечке, как обычно сидят турки или мавры, во всем своем величии, окруженный всеми своими женщинами и многими вождями. Еще раньше, не доезжая до него, мы видели другую группу вождей, и еще, и еще – и так далее, по старшинству».

Атауальпа носил королевские знаки отличия. Каждый знатный перуанец носил льяуту, то есть несколько шнуров, обвязанных вокруг головы. Но только у Инки с этого обода на голове спереди свешивалась бахрома. Она была сделана из «очень тонкой шерсти алого цвета, очень ровно подстри-

женной и хитроумно скрепленной посередине маленькими золотыми зажимами. Шерсть была скручена в нити, но ниже зажимов она имела распушенные концы, и эта часть спадала на лоб… Эта бахрома была толщиной в дюйм. Она свешивалась до бровей и закрывала весь лоб». Из-за этой челки Атауальпа не поднимал глаз, и де Сото не смог добиться от него никакой реакции. «Эрнандо де Сото возвышался над ним на своем коне, но тот оставался неподвижным, не сделал ни малейшего движения. Сото подъехал так близко, что дыхание коня задевало бахрому, надетую на голову Инки. Но Инка так и не пошевелился. Капитан Эрнандо де Сото снял с пальца кольцо и подал его Инке в знак мира и дружбы со стороны христиан. Тот взял кольцо почти равнодушно». Сото выступил с заранее приготовленной речью, в которой назвал себя посланцем губернатора, и сообщил, что губернатор был бы счастлив лично предстать перед ним. От Атауальпы не последовало никакой реакции. Вместо него ответил один из вождей. Он сказал, что у Инки – последний день церемониального поста.

В этот момент появился Эрнандо Писарро и выступил с речью, схожей с речью Сото. Атауальпа, очевидно, догадался, что вновь прибывший был братом губернатора, так как он поднял глаза и начал говорить. Он сказал, что первое донесение о христианах он получил от Маркавильки, вождя из области Поэчос на реке Сурикари (в настоящее время – Чира), что находится между Тумбесом и Сан-Мигелем. Этот

вождь «прислал мне сообщение о том, что вы плохо обращаетесь с вождями, надеваете на них цепи; и он прислал мне железный ошейник. Он сообщает, что сам он убил трех христиан и одну лошадь». Эрнандо Писарро запальчиво ответил ему на это: «Те мужчины в Сан-Мигеле были совсем как женщины. А одной лошади было бы достаточно, чтобы завоевать всю ту землю. Когда вы увидите нас в бою, вы поймете, какие мы воины». Чтобы смягчить ответ, Эрнандо Писарро стал говорить дальше. Он сказал Атауальпе, что «губернатор [Франсиско Писарро] относится к нему с искренней любовью; и если у него есть какой-либо враг, то стоит ему лишь сказать об этом [губернатору], и тот пошлет людей захватить этого человека». Атауальпа сказал, что в четырех днях пути обитает племя очень свирепых индейцев, с которыми он никак не может сладить: христиане должны отправиться туда и помочь его людям. «Я сказал ему, что губернатор пошлет 10 всадников, и этого будет вполне достаточно, а его воины понадобятся лишь для того, чтобы отыскать тех, кто спрятался. Он улыбнулся так, как будто был о нас невысокого мнения».

Атауальпа пригласил испанцев спешиться и отобедать с ним. Они отказались, и тогда он предложил им выпить. После некоторых колебаний – испанцы опасались быть отравленными – они согласились. Немедленно появились две женщины, неся золотые кувшины с национальным напитком из кукурузы, чичей, и испанцы церемонно выпили его вместе с Инкой. Солнце уже садилось, и Эрнандо Писарро попросил

разрешения вернуться к своим. Инка захотел, чтобы один из испанцев остался с ним, но они сказали, что у них не было такого приказа. Поэтому они уехали, получив от Инки разрешение разместиться в трех домах на площади, оставив главную крепость для его собственной резиденции. Он также уверил их в том, чего они больше всего добивались: на следующий день он сам отправится в Кахамарку, чтобы встретиться с Писарро.

Во время встречи с испанцами Атауальпа «внимательно осматривал лошадей, которые, несомненно, понравились ему. Увидев это, Эрнандо де Сото вывел небольшого коня, который был выдрессирован вставать на дыбы, и спросил [Инку], не желает ли тот, чтобы он [Сото] проехался на этом коне по двору. Инка дал понять, что желает этого, и [Сото] какое-то время демонстрировал на коне разные маневры, сохраняя замечательную выправку. Конь разгорячился, и у него изо рта пошла пена. Инка этому немало удивился. Живость, с которой двигался конь, также произвела на него впечатление. Но у простых инков это вызвало еще большее восхищение, и они начали перешептываться. Воины из одного отряда отступили назад, когда увидели приближающегося к ним коня. Все они заплатили за это своей жизнью в тот же вечер: Атауальпа приказал убить их всех, потому что они показали свой страх».

У испанцев теперь было время поразмыслить над серьезностью ситуации, в которой они оказались. «Между собой

мы обсудили многие точки зрения относительно того, что нам следует делать. Все были охвачены страхом, так как нас было так мало и мы так далеко углубились в эту страну, что не могли надеяться ни на какое подкрепление… Все собрались у губернатора, чтобы решить, что делать на следующий день. Мало кто спал. С нашего наблюдательного пункта на площади хорошо были видны огни костров в военном лагере индейцев. Это было зрелище, вселяющее страх. Большинство огней находилось на склонах гор близко один к другому. Все это выглядело как небо, густо усеянное яркими звездами». Кристобаль де Мена вспоминал, как эта опасность разрушила все классовые различия между испанцами: «Не было различия между знатными и простолюдинами, между пешими солдатами и кавалеристами. Той ночью все несли караульную службу в полном вооружении. А наш старый добрый губернатор обходил посты, подбадривая людей. В тот день все были рыцарями».

Теперь испанцы осознали – впервые! – всю сложность своего положения после проникновения в эту империю. Они оказались отрезанными от моря многодневными переходами через труднодоступные горы. Вокруг них стояла победоносная армия в полном боевом порядке, численный состав которой Сото и Эрнандо Писарро оценили как 40 тысяч человек – «но они сказали так, чтобы ободрить людей, так как у него [Атауальпы] было более 80 тысяч». В добавление ко всему тут был страх перед неизвестностью, «так как испан-

цы не знали, как воюют эти индейцы, каков их боевой дух». Увидев самого Атауальпу, его дисциплинированную армию и жестокость, с которой велась недавняя междоусобная война, они не могли надеяться на дружелюбный прием в течение более или менее длительного времени.

Люди, которых возглавлял Писарро, были опытными, закаленными воинами. Многие из них приобрели свой опыт в завоевательных походах в Карибском бассейне, Мексике и Центральной Америке. Сам Писарро первый раз прибыл в Вест-Индию в 1502 году, и теперь, в свои пятьдесят с лишним лет, он был одним из самых богатых и влиятельных жителей Панамы. Хоть он и не умел читать и был в прошлом бедным конюхом, его право командовать экспедицией никогда не ставилось под вопрос. Все трения, которые имели место, происходили между Диего де Альмагро, Эрнандо де Сото, Эрнандо Писарро и Себастьяном де Беналькасаром. Другие члены экспедиции получили боевой опыт в Северной Италии и Северной Африке, в результате чего Испания заняла главенствующее место в Европе, а испанские солдаты стали для всех самыми страшными противниками. Даже самые молодые члены экспедиции – а большинству испанцев было за двадцать – компенсировали недостаток боевого опыта искусностью в военных упражнениях, смелостью и удалью. В феодальной структуре испанского общества амбициозный человек мог занять более высокое положение, только женившись на богатой наследнице или приняв участие в

войне. Над этой экспедицией витал дух золотой лихорадки, в какой-то степени подкрепленный убежденностью в том, что это своего рода крестовый поход.

Несмотря на свой опыт, 150 человек из отряда Писарро оказались в безвыходном положении и пребывали в страхе и отчаянии. Все, что они могли решить в ту неспокойную ночь, – это пользоваться своими преимуществами и применять различную тактику, имевшую успех в Карибском бассейне. Они могли неожиданно напасть первыми и воспользоваться тем преимуществом, что противнику неизвестны их способы ведения боя. Их вооружение – лошади, стальные мечи и латы – значительно превосходило все, виденное ими до сих пор в Вест– Индии, хотя, что касается вооружения инков, испанцы не были столь уверены. Они помнили тактику, принесшую такой успех в завоевании Мексики: похищение главы государства. Они также могли попытаться нажить капитал на внутренних распрях в империи инков: Эрнандо Писарро уже предлагал Атауальпе услуги испанцев в борьбе с непокорными племенами. Возможно, их самое главное преимущество заключалось в том, что они были абсолютно уверены в своей принадлежности к более развитой цивилизации и знали, что их цель – завоевание. Для индейцев же испанцы все еще были чужеземцами неизвестного происхождения с неопределенными намерениями.

Договорились, что губернатор Писарро решит, что следует предпринять, непосредственно исходя из обстановки,

когда на следующий день, 16 ноября, Атауальпа прибудет в Кахамарку. Но при этом был тщательно разработан план неожиданного нападения и пленения Инки. «Губернатор указал на возвышение, на котором должен будет сидеть Атауальпа. Было решено заманить его туда ласковыми речами с тем, чтобы он потом приказал своим воинам вернуться в лагерь, так как губернатор опасался вступать в схватку, когда вокруг столько индейских воинов, а нас так мало». Нападение должно было произойти только в том случае, если его успех окажется возможным или если индейцы сделают что-либо угрожающее. Было еще два, более мирных, варианта. Атауальпу, возможно, удастся убедить совершить какой-нибудь акт политического или духовного повиновения. Или, если индейцы покажутся слишком сильными, испанцы могут поддерживать с ними видимость дружбы и надеяться на более благоприятный случай в будущем.

Площадь Кахамарки идеально подходила для осуществления плана испанцев. С трех сторон она была окружена низкими длинными зданиями, каждое длиной около 200 ярдов. В двух из них Писарро разместил три отряда кавалерии по 15–20 всадников в каждом под командованием лейтенантов: Эрнандо де Сото, Эрнандо Писарро и Себастьяна де Беналькасара. В каждом из этих зданий имелось около двадцати выходов на площадь, «как будто они специально были построены для этого». «Все, в том числе и всадники верхом на лошадях, должны были напасть из своих укрытий». Будучи

неважным наездником, сам Писарро должен был оставаться в третьем здании с несколькими всадниками и 20 пешими воинами. Перед его отрядом стояла задача «захватить Атауальпу в плен при первом признаке того, что он что-то заподозрил».

Дороги вели из города на площадь. Они входили в нее между этими тремя зданиями. Группы пеших и конных испанцев были скрытно расположены на дорогах, чтобы отрезать пути к отступлению. Нижняя часть площади была ограничена длинной глиняной стеной, посредине которой возвышалась башня; войти в нее можно было лишь снаружи. За стеной лежала открытая равнина. Посреди площади, в ее более возвышенной части, находилась крепкая каменная постройка, которую испанцы считали своим фортом. По приказу Писарро остатки пехоты должны были охранять его ворота. Возможно, он призван был сыграть роль последнего прибежища. Внутри его расположился Педро де Кандия с «18 или 19 мушкетерами и 4 аркебузами». Выстрел из этих аркебуз был для испанцев сигналом к атаке.

Атауальпа не торопился совершить свою короткую поездку через равнину в Кахамарку. У него только что закончился пост, и в честь этого события, а также в честь победы его армии в сражении под Куско должно было состояться празднество. Утро прошло без каких-либо признаков движения из лагеря индейцев. Нервное напряжение среди испанцев нарастало. От Атауальпы прибыл уже знакомый им благород-

ный инка с сообщением о том, что Атауальпа и его люди намереваются приехать вооруженными. «Губернатор ответил: «Скажите своему господину, чтобы он приезжал, <…> как он того пожелает. В любом случае я приму его как друга и брата». Гонец, который прибыл позже, сообщил, что индейцы будут безоружны. Испанцы усмотрели в этом знамение Божие и вручили себя Господу, моля его не оставлять их. Наконец, в полдень армия Атауальпы пришла в движение, и «вскоре вся равнина была полна перестраивающимися воинами, ожидающими появления Инки». Испанцы не были видны в своих зданиях-укрытиях, имея приказ не высовываться, пока не прозвучит артиллерийский сигнал. Молодой Педро Писарро вспоминал: «Я видел, как многие испанцы писались от ужаса, не замечая этого».

Было ясно, что Атауальпа решил превратить свою поездку к необычным чужеземцам в церемониальное шоу. «У всех индейцев на головах были надеты, как короны, большие золотые и серебряные диски. Очевидно, все они были в своих парадных одеждах». «Впереди шел отряд индейцев, одетых в клетчатые, похожие на шахматную доску ливреи. По мере своего продвижения они подбирали с земли солому и подметали дорогу». «Они указывали руками на землю, чтобы убрать все, что попадалось на пути, – это едва ли было необходимо, так как городские жители содержали дороги в чистоте… Они пели песню, которая всем нам, кто ее слышал, показалась не лишенной мелодичности».

Напряженность возрастала, когда Атауальпа остановился в полумиле от города. Дорога была все еще полна людей, а новые воины продолжали выходить из лагеря. Произошел еще один обмен гонцами. Воины Атауальпы начали ставить палатки, так как близился вечер. Атауальпа повелел передать, что он намерен остаться там на ночь. Этого Писарро хотел меньше всего, потому что испанцы особенно боялись нападения ночью. Отчаявшись, Писарро послал одного Эрнандо де Алдано «сказать Инке, чтобы он пришел на площадь и встретился с ним до наступления ночи. Когда гонец прибыл к Атауальпе, он поклонился и сказал ему с помощью знаков, «что ему нужно поехать туда, где находится губернатор». Он уверил Инку, «что ему не нанесут ни вреда, ни оскорбления, поэтому он может ехать не боясь – правда, Инка и не выказывал никакого страха».

Атауальпа уступил. Солнце уже было совсем низко, когда он продолжил свое движение в город. Большую часть своих вооруженных воинов он оставил на равнине, а с собой «взял 5 или 6 тысяч невооруженных человек, при которых были только боевые топорики, пращи и мешочки с камнями под туниками». Вслед за передовым отрядом «на очень красивом паланкине, украшенном серебром, появился сам Атауальпа. Восемьдесят индейцев благородного происхождения, одетых в богатые голубые одежды, несли его на своих плечах. Сам он был очень богато одет: на его голове была корона, а на шее – ожерелье из крупных изумрудов. Он восседал на

роскошной подушке, положенной на небольшую скамеечку, установленную на паланкине. Когда паланкин достиг середины площади, они остановились; Атауальпа был виден наполовину». «Паланкин был украшен разноцветными перьями попугаев, пластинами из золота и серебра… За ним прибыли еще два паланкина и два гамака, в которых ехали другие важные персоны. Затем появились отряды воинов в головных уборах из золота и серебра. Как только первые отряды вошли на площадь, они расступились, чтобы дать дорогу остальным. Когда Атауальпа достиг центра площади, он сделал знак всем остановиться. При этом паланкины, в которых путешествовал он и его спутники, остались высоко поднятыми. Воины продолжали прибывать на площадь. Вперед вышел военачальник и пошел к форту посреди площади, в котором находилась артиллерия», и «в некотором смысле овладел им, водрузив знамя, укрепленное на копье». Это был королевский штандарт Атауальпы с изображением его личного герба.

Первая встреча Атауальпы и Эрнандо Писарро

Атауальпа был удивлен, не видя вокруг испанцев. Позже он признался, что подумал, будто они все в страхе попрятались при виде его великолепной армии. «Он позвал: «Где же они?» Тогда из здания, в котором скрывался губернатор Писарро, появился монах-доминиканец Висенте де Вальверде в сопровождении переводчика Мартина». «Он шел с крестом в одной руке и молитвенником в другой мимо отрядов воинов и остановился перед паланкином Атауальпы».

Разные очевидцы этого события дали незначительно отличающиеся друг от друга версии того, какой разговор состоялся между Вальверде и Атауальпой. Большинство из них

сошлись на том, что священник стал приглашать Инку войти в здание, чтобы побеседовать и отобедать с губернатором. Руис де Арсе объяснил, что это приглашение было сделано с целью «отдалить его от его воинов». Атауальпа не принял приглашения. Он сказал Вальверде, что не двинется вперед, пока испанцы не возвратят все, что они украли или уничтожили с момента своего появления в его империи. Возможно, эти невыполнимые требования были казус белли, то есть формальным поводом к объявлению войны и началу военных действий.

Вальверде начал объяснять, что он является священником и исповедует христианскую религию, и продемонстрировал «вещи Бога». Он также сказал, что послан своим императором открыть христианскую религию Атауальпе и его народу. На самом деле Вальверде действовал согласно известному «Требованию», весьма необычному документу, который, согласно приказу королевского совета, необходимо было оглашать во время любого завоевательного похода, прежде чем прибегать к кровопролитию. По словам священника, учение, о котором он говорил, содержится в том католическом требнике, который он держит в руке. «Атауальпа велел передать ему книгу для осмотра. Священник передал ему книгу в закрытом виде. Атауальпа не смог сам раскрыть ее, и монах протянул руку, чтобы помочь. Но Атауальпа ударил его по руке с большим презрением, не желая, чтобы тот раскрыл ее. Он сам продолжил попытки раскрыть ее и раскрыл. На мой

взгляд, на него произвело большее впечатление само начертание букв, нежели смысл написанного. Он пролистал книгу, восхищаясь ее формой и внешним видом. Но потом он сердито бросил ее наземь под ноги своим воинам, при этом лицо его побагровело». «Мальчик, который исполнял роль переводчика и переводил весь этот разговор, бросился, чтобы достать книгу, и отдал ее священнику».

Наступил критический момент. Серес и Эрнандо Писарро написали, что Атауальпа встал в полный рост на своем паланкине, приказывая своим воинам быть наготове. Священник Висенте де Вальверде вернулся к Писарро чуть ли не бегом, призывая к бою. Согласно записям Мены, он кричал: «Выходите! Выходите, христиане! Нападайте на этих собак, которые отвергают Бога! Этот вождь бросил на землю мою священную книгу!» Согласно записям Эстете, он крикнул Писарро: «Разве вы не видели, что случилось? Зачем проявлять вежливость и раболепие перед этим исполненным гордыни псом, когда на равнине полно индейцев? Начинайте немедленно, я отпускаю вам этот грех!» А Трухильо услышал: «Ваша честь, что вы собираетесь делать? Атауальпа превратился в Люцифера!» Для Муруа это звучало так: «Христиане! Евангелие Божье – на земле!» Хуан Руис де Арсе просто написал, что Вальверде вернулся «рыдая и призывая Бога».

Писарро выпустил засаду по условному сигналу. Он «дал сигнал артиллеристу [Педро де Кандия] выстрелить из пу-

шек в середину толпы. Он выстрелил из двух, больше он выстрелить не смог». Испанцы в латах и кольчугах направили своих коней прямо в гущу невооруженных людей, толпившихся на площади. Зазвучали трубы, и испанцы испустили свой боевой клич «Сантьяго!». «Все они привязали к своим лошадям погремушки, чтобы устрашить индейцев… Грохот выстрелов, звуки труб, топот лошадей, треск погремушек привели индейцев в смятение, и началась паника. Испанцы обрушились на них и стали убивать». «Они настолько были объяты страхом, что лезли друг на друга, образуя кучи и давя друг друга». «Всадники, наседая, топтали их лошадьми, нанося раны и убивая». «А так как индейцы были безоружны, то они не представляли никакой опасности для христиан, обращавших их в бегство».

«Губернатор надел защитный китель из плотного стеганого хлопка, вооружился мечом и кинжалом и врезался в гущу индейцев вместе с другими испанцами. С великой отвагой <… > он достиг паланкина Атауальпы. Он бесстрашно схватил Инку за левую руку и закричал: «Сантьяго!»… но он не мог стянуть его с паланкина, который стоял высоко. Все, кто нес паланкин Атауальпы, оказались знатными людьми, и все они погибли, равно как и те, которые приехали на других паланкинах и в гамаках». «У многих индейцев были отрублены кисти рук, но они продолжали поддерживать паланкин своего повелителя плечами. Но их усилия были бесполезны, так как всех их все равно убили». «Несмотря на то что ис-

панцы убивали тех индейцев, которые несли паланкин, на место убитых немедленно приходили новые, чтобы поддерживать его. И так продолжалось довольно долго, пока один из испанцев, измотанный схваткой, не замахнулся на Инку кинжалом, чтобы убить его. Но Франсиско Писарро парировал удар, и от этого испанец, покушавшийся на Атауальпу, ранил губернатора в руку… Подскакали 7 или 8 конных испанцев, ухватились за край паланкина, подняли его и перевернули паланкин на бок. Так Атауальпа был взят в плен, и губернатор увел его с собой в то помещение, в котором он размещался». «Все те индейцы, которые несли паланкин, и те, которые его [Инку] сопровождали, так и не покинули его: все они погибли вокруг него».

Тем временем ужасная резня продолжалась на площади и за ее пределами. «Они пришли в такой ужас при виде губернатора в гуще толпы, при неожиданных звуках артиллерийской стрельбы и ворвавшейся кавалерии – а этого они никогда еще не видели, – что, охваченные паникой, они больше думали о том, как убежать и спасти свою жизнь, чем об оказании сопротивления». «Они не могли спасаться бегством все сразу, так как ворота, через которые они вошли, были небольшими. Поэтому они не могли убежать в неразберихе. Когда задние ряды увидели, как далеко они находятся от дороги к спасению, 2 или 3 тысячи индейцев бросились на участок стены и свалили ее. За этой стеной была равнина, потому что с той стороны не было построек». «Они сломали

участок стены 15 футов длиной, 6 футов толщиной и высотой в рост человека. Многие всадники бросились за ними». «Пешие солдаты с такой скоростью расправлялись с оставшимися на площади индейцами, что через короткое время большинство из них были преданы мечу… При этом ни один индеец не поднял оружие против испанцев».

Кавалеристы перемахнули через разрушенную стену и вырвались на равнину. «Все кричали: «За этими, в ливреях! Не давайте никому скрыться! Колите их копьями!» Остальные воины, которых Атауальпа привел с собой, находились на расстоянии четверти лиги [1 миля] от Кахамарки и были готовы к бою, но ни один индеец не двинулся с места». «Когда отряды воинов, остававшихся на равнине за пределами города, увидели бегущих и орущих людей, большинство из них дрогнули и бросились бежать. Это было необыкновенное зрелище, так как вся долина длиной 4 или 5 лиг была полностью заполнена людьми». «Это была равнина с расположенными на ней полями… Много индейцев было убито. Ночь уже спустилась, а кавалеристы все продолжали скакать по полям и пронзать копьями индейцев. И тогда трубач дал сигнал всем вернуться в лагерь. По приезде мы пошли поздравить губернатора с победой».

«В течение двух часов – столько времени оставалось от светлого времени суток – все войска были уничтожены… В тот день на равнине полегло 6 или 7 тысяч индейцев, у многих были отрублены руки или имелись иные раны». «Сам

Атауальпа признал, что мы убили 7 тысяч его воинов в том бою». «Убитый человек на одном из паланкинов был его дворецким (правитель Чинчи), которого Атауальпа очень любил. Другие также были повелителями над многими людьми и его советниками. Вождь, который правил Кахамаркой, погиб. Погибли и другие военачальники, но их было так много, что их невозможно всех перечислить. Ведь все, кто пришел с Атауальпой в качестве личной охраны, были великими вождями. Было поразительно, что такого великого правителя взяли в плен так быстро, учитывая, что он привел с собой такую огромную армию. Племянник Атауальпы писал, что испанцы убивали индейцев, как мясники забивают скот. Одна только скорость, с которой производились убийства, была ужасающа, даже если считать, что много индейцев было затоптано или задавлено или что оценка числа погибших была завышена. Каждый испанец в течение этих двух ужасных часов зверски убил в среднем 14–15 беззащитных индейцев.

Атауальпу оттеснили от места побоища его подданных и поместили под сильной охраной в храме Солнца на окраине Кахамарки. Некоторая часть кавалерии продолжала патрулировать город на тот случай, если 5 или 6 тысяч индейцев, которые укрылись наверху в горах, попытаются напасть ночью. А в то время, когда тысячи тел индейцев грудами лежали на площади, победители уделяли самое пристальное внимание своему пленнику. «Губернатор пошел в свое жилище вместе с Атауальпой. Он избавил его от одежды, которую ис-

панцы разорвали, когда тащили его с паланкина, <…> приказал принести местную одежду и велел его одеть… Затем они пошли ужинать, и губернатор усадил Атауальпу за стол вместе с собой, хорошо с ним обращался, и ему прислуживали точно так же, как и губернатору. Затем губернатор приказал, чтобы ему [Инке] дали тех женщин, которых он пожелает, из числа захваченных в плен, для того чтобы они прислуживали ему; он также приказал, чтобы для него приготовили постель в той же комнате, где спал сам губернатор».

Вся эта забота сопровождалась речами, сказанными удивительно покровительственным тоном. «Мы вошли к Атауальпе и увидели, что он был охвачен страхом, думая, что мы собираемся его убить». «Губернатор <… > спросил Инку, почему он такой грустный, так как ему не следует печалиться… В каждой стране, куда мы, христиане, приходили, были великие правители, и мы сделали их своими друзьями и вассалами нашего императора как мирными путями, так и посредством войны, поэтому он не должен чувствовать себя потрясенным, попав к нам в плен». «Атауальпа спросил, собираются ли христиане его убить. Они ответили ему, что нет, так как христиане убивают под влиянием порыва, но не после».

Как милости Атауальпа попросил у губернатора разрешения поговорить с кем-нибудь из его людей, которые могли оказаться в плену. «Губернатор немедленно приказал привести двоих знатных индейцев, которые попали в плен в хо-

де сражения. Инка спросил у них, много ли воинов погибло. Они ответили ему, что вся равнина покрыта их телами. Затем он попросил передать оставшимся воинам, чтобы они не спасались бегством, а пришли служить ему, так как он жив, но находится во власти христиан… Губернатор спросил переводчика, что он сказал, и переводчик передал ему все вышесказанное».

Испанцы немедленно задали напрашивающийся вопрос: почему Атауальпа, правитель с таким опытом и властью, попал в такую явную ловушку? Ответ был абсолютно ясен. Инка составил совершенно ошибочное мнение о своих противниках и недооценил их. И Маркавилька, вождь из Поэчоса, и благородный посланник, который провел два дня с захватчиками, видели испанцев, когда те были организованы в наименьшей степени. По словам Атауальпы, «они сказали ему, что христиане не были воинами и что их лошади расседланы ночью, что если ему [благородному Инке] дать 200 индейцев, то он мог бы повязать их всех. [Атауальпа сказал] что этот инка и этот вождь <…> обманули его».

Инка признался в том, какая судьба была уготована чужеземцам. «С полуулыбкой он ответил, что <…> он намеревался взять в плен губернатора, но случилось все наоборот, и по этой-то причине он и был так печален». «Он рассказал о своих великих замыслах, что стало бы с испанцами и лошадьми… Он решил взять жеребцов и кобыл, чтобы заняться их разведением, так как они восхищали его больше все-

го; некоторых испанцев должны были бы принести в жертву богу солнца, а остальных – кастрировать и использовать в качестве дворцовой челяди и для охраны его женщин». Нет причин сомневаться в его словах. Атауальпа, возбужденный победой в гражданской войне, мог позволить себе поиграть в кошки-мышки с необыкновенными чужестранцами, которые пришли из какого-то другого мира прямо в гущу его армии. Он не мог даже допустить, что при всех столь благоприятно складывающихся для него обстоятельствах испанцы нападут первыми. А также он не мог представить себе, что нападение будет спровоцировано и произойдет без предупреждения и даже раньше, чем он встретится с губернатором Писарро.

Сами испанцы действовали, подстегиваемые ужасом и отчаянием, и едва могли поверить в ошеломляющий успех, который имела их засада. «Поистине это не было совершено нашими собственными силами, так как нас было так мало. Это случилось по воле Бога, велики милости Его».

Глава 2
Атауальпа – пленник

На следующее утро воодушевленные испанцы развили свой военный успех, быстро и умело закрепляя его результаты. Эрнандо де Сото с 30 всадниками в боевом порядке поехал осматривать лагерь Атауальпы. Великая армия индейцев все еще находилась там: «…лагерь был полон народу, как будто никаких потерь и не было». Но ни один из потрясенных воинов не оказал никакого сопротивления. Вместо этого военачальники различных подразделений изображали крестное знамение в знак того, что они сдаются: Писарро велел Атауальпе проинструктировать их насчет этого. Сото вернулся в Кахамарку до полудня, «с ним прибыли мужчины, женщины, ламы, золото, серебро, одежда. Губернатор повелел отпустить всех лам, так как их было так много, что они заполонили весь лагерь: христиане и так могли каждый день убивать их столько, сколько им было нужно. Что же касается собранных индейцев, <…> губернатор приказал привести их всех на площадь, с тем чтобы христиане могли отобрать некоторых и взять их к себе в услужение… Некоторые придерживались того мнения, что всех воинов нужно убить или отрубить им руки. Губернатор не соглашался. Он сказал, что нехорошо совершать такую большую жесто-

кость». «Все войска были собраны, и губернатор велел им возвращаться по домам, так как он не собирался причинять им никакого вреда…Таково было и повеление Атауальпы». «Многие из них ушли, и мне показалось, что осталось не больше 12 тысяч индейцев». «А тем временем испанцы в лагере заставили индейцев-пленников убрать с площади мертвых».

Вторжение в Перу было уникальным по многим причинам. Военные действия предшествовали мирному проникновению: никакие торговцы или исследователи никогда не бывали раньше при дворе Инки, и не было никаких рассказов путешественников о его великолепии. Первое впечатление европейцев от величия Инки совпало с его свержением. Завоевание началось с полного разгрома индейской армии. Теперь перуанцы были не только разделены своей междоусобной войной, но и остались также без правителя. И вот что усугубляло их смятение: их Инка продолжал управлять страной и раздавал приказы как единоличный властитель, находясь в плену.

Инка Атауальпа в плену у испанцев

Атауальпа был умным человеком, и он сразу же стал действовать так, чтобы постараться выпутаться из почти безвыходного положения. Он заметил, что испанцев, как оказалось, интересовали только драгоценные металлы. Люди из отряда Сото увезли с собой все золото и серебро, которое они смогли найти в лагере Инки. Его качество превысило все самые смелые надежды конкистадоров: золотая лихорадка уже ослепила их. Из военного лагеря инков один только Сото привез «80 тысяч песо [золота], 7 тысяч марок серебра и 14 изумрудов. Золото и серебро было в виде фигурок, больших и маленьких блюд, мисок, кувшинов, кружек,

больших сосудов для питья и в виде различных других предметов. Атауальпа сказал, что все это – остатки той посуды, которая подавалась к его столу, и что убежавшие индейцы унесли с собой значительно большее ее количество». Атауальпа заметил этот интерес и пришел к заключению, что он может купить себе свободу с помощью большого количества этих металлов. Он все еще не мог допустить и мысли, что эти непредсказуемые 170 человек были лишь острием копья широкомасштабного вторжения, – и испанцы не собирались выводить его из этого заблуждения. «Он сказал губернатору, что прекрасно знает, чего они ищут. Губернатор ответил ему, что его воины ищут не что иное, как золото для себя и своего императора».

И тогда Инка предложил свой знаменитый выкуп. «Губернатор спросил его, сколько [золота] он даст и как скоро. Атауальпа сказал, что он наполнит золотом комнату. Комната имела в длину 22 фута, в ширину 17 футов и должна была быть наполнена золотом до белой линии, на такую высоту, до которой он мог дотянуться. Линия, о которой он говорил, вероятно, была на высоте 1,5 эстадо [свыше 8 футов]. Он сказал, что до этого уровня он наполнит комнату различными предметами, сделанными из золота, – вазами, кувшинами, плитками и т. д. Он также пообещал дважды наполнить эту комнату серебром. И все это будет сделано за два месяца». Испанцы были ошеломлены этим неожиданным предложением. «Конечно, это было очень щедрое предложение! Ко-

гда он сделал его, губернатор Франсиско Писарро – по совету своих военачальников – вызвал секретаря, чтобы записать предложение индейца как его официальное обязательство».

Комната, описанная Сересом, секретарем Писарро, имела объем около трех тысяч кубических футов, или 88 кубических метров. Сейчас посетителям Кахамарки показывают комнату большей площади и объема в аккуратном доме каменной кладки, расположенном на одной из узких улочек на склоне горы выше главной площади. Эту комнату больших размеров стали показывать туристам с XVII века. Местный индейский вождь привел туда Антонио Васкеса де Эспинозу в 1615 году и сказал ему, что «комната остается и останется нетронутой в память об Атауальпе». Эта комната, вероятно, была частью храма Солнца и, возможно, камерой, в которой содержали Атауальпу.

Первоначально Атауальпа выступил со своим предложением, чтобы спасти свою жизнь, «потому что он боялся, что испанцы убьют его». Писарро мог бы убить Атауальпу, но он, очевидно, понимал его ценность как заложника и очень старался взять его в плен живым. Писарро с облегчением увидел, что индейские вожди все еще подчиняются Атауальпе, находившемуся в плену, и, естественно, был очень доволен, узнав, что такой фантастический выкуп будет доставлен прямо в лагерь испанцев. Он с готовностью принял предложение Атауальпы. «Губернатор пообещал возвратить ему свободу при условии, что он не совершит измены» и «дал ему

понять, что он сможет вернуться в Кито, на те земли, которые достались ему по завещанию отца».

И снова испанцы обвели Инку вокруг пальца. Искушая его перспективой возвращения в свое королевство в Кито, они превратили Атауальпу в добровольного заложника, даже в коллаборациониста. Его жизнь стала для них гарантией, а приказы, которые отдавал Инка, казалось, одобряли их присутствие. Писарро и его людям нужно было время, чтобы послать весть о своем невероятном успехе своим соотечественникам в Панаме, чтобы получить подкрепление, с которым можно было бы углубиться в территорию Перу. Чем больше времени потребовалось бы Атауальпе, чтобы собрать выкуп, тем лучше было бы для Писарро. Обеим сторонам оставалось только ждать: испанцам – прибытия подкрепления и золота, а Атауальпе – уплаты выкупа, возвращения ему свободы и отъезда ненавистных чужестранцев.

В течение месяцев, проведенных в Кахамарке, испанцы имели возможность наблюдать за своим высокородным пленником. «Атауальпа был мужчиной тридцати лет от роду, с приятной внешностью и манерами, несколько склонный к полноте. У него было крупное лицо, красивое и жестокое, глаза его наливались кровью. Говорил он важно, как и подобает великому правителю. Его высказывания были очень живыми: когда испанцы поняли их, им стало ясно, что он мудр. Он был жизнерадостным, хотя и грубоватым. Когда он разговаривал со своими подданными, он был резок и демон-

стрировал свое недовольство». Гаспар де Эспиноза написал императору то, что он слышал об уме Атауальпы: «Он самый образованный и одаренный из всех виденных здесь нами индейцев; он с таким увлечением изучает наши обычаи, что уже хорошо играет в шахматы. Пока этот человек в нашей власти, в стране царит спокойствие».

Великая удача испанцев была в том, что в их руках находился правитель, чья абсолютная власть не ставилась под вопрос. Единственным ограничением власти Инки был древний обычай и традиция править милосердно. Отец Атауальпы Уайна-Капак и его предшественники на королевском троне прилагали немалые усилия для обеспечения благосостояния и счастья своих подданных. Престиж Инки был высок благодаря утверждению, что он потомок солнца, с которым, как все считали, он был в неразрывной связи. Это отождествление с самой мощной силой, влияющей на жизнь людей, было обычным для правителей в разные исторические эпохи – особенно заметным в Египте и Японии, – результатом чего было поклонение Инке в течение всей его жизни. К периоду правления Атауальпы божественный статус Инки укрепился потому, что он был постоянно окружен защитной ширмой из женщин, а также благодаря тому, что в личном обиходе он пользовался исключительно самыми изящными предметами. «Одна сестра прислуживала ему в течение восьми или десяти дней, и в качестве таких сестер ему служили многие дочери вождей… Эти женщины были с ним постоянно, при-

служивая ему, так как ни один индеец-мужчина не мог войти к нему… Эти вожди и сестры, которые считались женами, носили очень тонкую, мягкую одежду, такую же, как и их родственники… [Атауальпа] надел свой плащ себе на голову и застегнул его под подбородком, пряча свои уши. Он сделал это, чтобы скрыть, что одно ухо сломано, так как когда воины Уаскара схватили его, они поранили ему ухо». Годы спустя сестра Атауальпы Инес Юпанки писала, что «жены Атауальпы пользовались таким большим уважением, что никто не смел даже смотреть им в лицо. Если они делали что-то неподобающее, их немедленно убивали; это относилось и к любому индейцу, вышедшему по отношению к ним за рамки дозволенного».

Педро Писарро с неослабевающим интересом наблюдал за теми ритуалами, которые совершались вокруг Инки каждый день. Когда Атауальпа ел, «он восседал на деревянной скамеечке немногим более пяди [9 дюймов] в высоту. Эта скамеечка была сделана из очень красивой древесины красноватого цвета, и ее всегда покрывал коврик искусной работы, даже когда Инка сидел на ней. Женщины приносили ему еду и ставили ее перед ним на тонкие зеленые побеги тростника… Они ставили все сосуды из золота, серебра и глины на этот тростник. Он указывал на то, чего бы ему хотелось, и это ему подносили. Одна из женщин брала это блюдо и держала в руке, пока он ел. Так он ел, когда я однажды присутствовал при этом. Кусочек еды поднесли ему ко рту, и одна

капля упала на его одежду. Подав руку индианке, он встал и ушел в свою комнату, чтобы переодеться, и вернулся, одетый в темно-коричневую тунику и плащ. Я подошел к нему и потрогал плащ, который на ощупь был мягче шелка. Я спросил у него: «Инка, из чего делают одежды, мягкие, как эти?» <…> Он объяснил, что их делают из кожи летучих мышей-вампиров, которые летают ночью в Портовьехо и Тумбесе и кусают индейцев».

В другом случае молодого Педро Писарро взяли осмотреть королевский склад кожаных сундуков. «Я спросил, что находится в этих сундуках, и [индеец] показал мне несколько сундуков, в которых они хранили все, до чего Атауальпа дотрагивался руками, и одежду, которую он уже больше не носит. В некоторых сундуках лежал тростник, который клали ему под ноги во время его трапез; в других – кости животных и птиц, которых он съел <…>; в третьих – сердцевины початков кукурузы, которые он держал в руках. Короче говоря, все, к чему он прикасался. Я спросил, зачем они хранят все это. Они мне ответили: для того, чтобы сжечь. Все, к чему прикасались правители, а они были сыновьями солнца, должно было быть сожжено, превращено в пепел и развеяно по ветру, так как никому не было дозволено прикасаться к этим вещам».

«Эти индейцы благородного происхождения спали на земле на больших матрасах из хлопка. У них были большие шерстяные одеяла, чтобы укрываться… Во всем Перу я не

видел ни одного индейца, который мог бы сравниться с Атауальпой в жестокости или масштабах власти».

Низкопоклонство, окружавшее Атауальпу, могло доходить до крайностей. Хуан Руис де Арсе вспоминал, что «он не сплевывал на землю, когда откашливался: какая-нибудь женщина протягивала руку, и он сплевывал в нее. Женщины снимали каждый волос, который падал на его одежду, и съедали его. Мы поинтересовались, почему он сплевывал таким образом, [и узнали, что] он делал это, потому что он такого высокого происхождения. А с волосами все это объяснялось тем, что он очень боялся колдовства: он приказал женщинам съедать свои волосы, чтобы его не заколдовали».

Эта тщательно культивируемая аура божественности помогала поддерживать абсолютную власть Инки как правителя, и самоуверенный Атауальпа полностью использовал свои огромные возможности. Близкие к нему вожди продолжали видеть в нем своего главу, и он руководил ими, находясь в плену у испанцев. «Когда вожди этой провинции услышали о приезде губернатора и пленении Атауальпы, многие из них пришли с миром, чтобы увидеть губернатора. Некоторые из этих касиков имели до 30 тысяч индейцев в подчинении, но все они были подданными Атауальпы. Когда они предстали перед ним, они оказали ему знаки величайшего почтения, целуя его ноги и руки. Он принял их, даже не взглянув на них. Стоит отметить достоинство Атауальпы и безграничную покорность, которую все они проявляли по отношению

к нему». «Он вел себя с ними как истинный король, оставшийся в плену после поражения не менее величественным, чем до этих испытаний». «Я помню, как правитель Уайласа попросил у него разрешения съездить в свои владения, и Атауальпа позволил ему, но дал ограниченное время, за которое тот должен был съездить и вернуться. Он отсутствовал немного дольше. Я присутствовал при его возвращении, когда он прибыл с фруктами, привезенными в подарок [Атауальпе] из своей провинции. Но как только он предстал перед Инкой, он начал так сильно дрожать, что не мог стоять. Атауальпа немного приподнял голову и, улыбаясь, сделал ему знак уйти».

Обожествление и прославление Инки были неотъемлемыми столпами, на которых покоилось управление такой огромной империей. Всего лишь за век до появления испанцев инки представляли собой ничем не примечательное горное племя, обитавшее только в долине Куско. Приблизительно в 1440 году на них напало и почти завоевало соседнее племя чанка, но они защищались и выиграли главное сражение на равнине выше Куско. После этого успеха племя взяло курс на безудержную экспансию. Из правящей династии вышла череда Великих Инков, в которых неутолимая жажда завоеваний сочеталась с военным талантом и способностью управлять. Инки инстинктивно перенимали самые успешные методы колониального и тоталитарного режимов. Везде, где возможно, они избегали кровопролития, предпочитая

присоединять к своей империи новые племена мирными путями. Но их прекрасно дисциплинированная армия могла в случае необходимости продемонстрировать свою опустошающую эффективность. Они ввели в империи официальный культ солнца и заявили, что Инка и вся королевская семья являются потомками солнца. Членам самой семьи позволялось знать, что эта связь с солнцем покоилась на обмане: их предок, Манко-Капак, использовал блестящие доспехи, которые отражали солнечные лучи, и поэтому в храме Солнца в Куско по аналогии с этим золотой диск тоже ловил отраженные солнечные лучи.

Члены королевской фамилии занимали все важные административные посты по всей империи. Сразу же после них шла каста индейской аристократии, представителей которой можно было отличить по золотым серьгам в виде колец или дисков, которые они носили в мочках ушей, – из-за них испанцы прозвали их «орехонами», или «большими ушами». Орехоны занимали менее высокие должности. Инки правили добросовестно, но также пользовались всеми имевшимися в их распоряжении формами роскоши и привилегиями. У них была самая лучшая еда и одежда, великолепные столовые сервизы, украшения и дворцы, прекрасные женщины, слуги, особый язык, разрешение на кровосмешение, что запрещалось рядовым индейцам; они могли пользоваться дорогами и специальными мостами, путешествовать в паланкинах; к ним применялась другая шкала наказаний; они име-

ли право жевать слабонаркотическую коку и т. д. Вожди покоренных племен постепенно допускались в этот привилегированный класс. Их сыновей увозили в Куско с тем, чтобы они могли получить там образование и участвовать в придворных церемониях. Таким образом, семьи подвластных Инке правителей навсегда сохраняли свои кастовые отличия, пользуясь привилегиями, но утрачивали при этом большую часть своей власти. Вообще принадлежать к племени инков было престижным, как принадлежать к элите. Группы инков переселялись во вновь завоеванные районы, чтобы сформировать там ядро безоговорочно преданных людей. По мере расширения империи другие племена, говорившие на языке кечуа, стали считаться почетными инками. Таким образом, в обществе инков было сильно развито классовое сознание, причем в основе классовых различий не лежали денежные отношения или частная собственность, а главенствующая каста своим милосердным правлением обеспечивала благосостояние государства.

Харизма привилегированного класса находилась в зависимости от его ничем не прерываемого процветания. Это было разрушено опустошительной эпидемией в Кито, междоусобной войной за престолонаследие и больше всего массовой резней на площади Кахамарки и пленением Инки. Среди жителей Анд стало расти разочарование и безразличие к судьбе бывшего правящего класса. Они не могли постичь, что испанцы, пришедшие с Писарро, представляли собой пе-

редовой отряд вторжения, которое в конечном счете поработит их всех. Поэтому они стояли в стороне, и испанцы поняли, что классовые различия в империи инков могут сыграть в их пользу, так же как и семейные раздоры междоусобной войны.

Политика, которую решил проводить Атауальпа, используя всю имевшуюся у него власть, состояла в том, чтобы выплатить выкуп для спасения его собственной жизни. Очевидно, он рассуждал, что испанцы, которые не убили его сразу же после победы, выполнят свое обещание и вернут ему свободу, когда выкуп будет собран. Тогда, на свободе, он получит в свое обладание империю, которую для него завоевали его полководцы. Поэтому он приказал своим военачальникам оставаться на своих местах на юге Перу, ускорить присылку золота для выкупа и не пытаться силой освободить его. Сам Атауальпа был доволен своим существованием в условиях привычного комфорта в Кахамарке, в то время как шло накопление золота.

Военачальники Атауальпы Кискис и Чалкучима ведут Инку Уаскара в Кахамарку

Вскоре после пленения Атауальпы пришла весть, что его пленного брата Уаскара везут из Куско и что он находится на расстоянии всего нескольких дневных переходов от Кахамарки. Писарро сказал Атауальпе, что ему очень хочется увидеть его соперника, и приказал Атауальпе обеспечить его благополучное прибытие. Испанцы думали, что скоро у них в руках будут два претендента на трон инков. Атауальпа был все еще поглощен политикой в междоусобной войне и был уверен, что испанцы не представляют угрозы внешнего вторжения. Поэтому вместо того, чтобы приказать освободить

Уаскара для организации национального сопротивления, он думал только о том, какая опасность ему грозит, если его соперник окажется в Кахамарке. Поэтому Уаскар был убит своей охраной в Андамарке, в горах, выше долины Санта между Уамачуко и Уайласом, немного южнее Кахамарки. Атауальпа, протестуя, заявил испанцам, что охрана Уаскара действовала по своей собственной инициативе, и Писарро принял это в высшей степени маловероятное объяснение. Трудно было допустить, чтобы какой-нибудь перуанец осмелился убить брата Атауальпы, не имея на то его четкого приказа, особенно в такой близости от него.

Убийство Уаскара было кульминацией истребления ветви королевской фамилии из Куско, и оно немедленно дало Атауальпе личное преимущество. «Так он обычно поступал со своими братьями <…> потому что, по его собственным словам, он убил многих из них, кто пошел за его братом [Уаскаром]». Среди предметов, которыми очень дорожил Атауальпа, была голова Атока, одного из полководцев Уаскара, который взял Атауальпу в плен под Томебамбой и потерпел поражение в первом же сражении гражданской войны под Амбато, южнее Кито. Кристобаль де Мена видел эту «голову, обтянутую кожей, с волосами и высохшей плотью. В ее стиснутых зубах было зажато серебряное горлышко. Сверху к голове была приделана золотая чаша. Атауальпа имел обыкновение пить из нее, когда ему напоминали о войнах, развязанных против него его братом. Ему наливали чичу в

золотую чашу, и он пил ее из горлышка во рту головы».

Атауальпа продолжал закреплять свой успех в гражданской войне другими способами, находясь в Кахамарке. По словам Педро Писарро, два единокровных брата [Атауальпы] Уаман Титу и Маята Юпанки попросили разрешения у губернатора Писарро уехать из Кахамарки к себе домой в Куско. Хотя испанцы и вооружили их мечами, Атауальпа подослал к ним людей, чтобы те убили их в пути. Два других брата прибыли в Кахамарку в середине 1533 года; одним из них был Тупак Уальпа, человек, у которого теперь, после смерти Уаскара, были наибольшие права на то, чтобы стать преемником Уайна-Капака. «Они приехали тайно из страха перед своим братом… Они спали возле губернатора, потому что они не осмеливались ложиться спать в каком-нибудь другом месте» и «не выходили из своей комнаты, притворяясь больными в течение всего времени, что Атауальпа был там. [Тупак Уальпа] делал это из страха перед Атауальпой, который мог подослать к ним убийц и расправиться с ними, как он это сделал с другими братьями».

Междоусобные войны порождают неистовые страсти и сильную ненависть. Поведение Атауальпы было понятно с точки зрения его собственных притязаний на трон Инки, но было трагичным перед лицом иностранной угрозы. Страна оказалась лишенной руководства и единства в момент, когда и то и другое ей были нужны больше всего. Если бы испанцы появились здесь год спустя, они бы попали в страну, кото-

рой бы твердо правил Атауальпа. И, как писал Педро Писарро, «если бы Уайна-Капак был жив, когда испанцы пришли на эту землю, было бы невозможно ее завоевать, так как он пользовался огромной любовью своих подданных… А также если бы страна не была разделена войной между Уаскаром и Атауальпой, мы не смогли бы вторгнуться в нее или завоевать ее, если только больше тысячи испанцев не прибыли бы одновременно. Но в то время было невозможно собрать вместе даже пять сотен человек, потому что людей было так мало, а также потому, что страна пользовалась дурной репутацией».

Атауальпа однажды попытался помериться силами с испанцами. Он предложил, чтобы один из людей Писарро вышел бороться против местного великана по имени Тукуйкуйучи. Писарро принял вызов и назначил на поединок крепкого Алонсо Диаса. Индейский боец явился обнаженный, с коротко подстриженными волосами. Сначала победа склонялась в его сторону. Но Диас вывернулся, поймал Тукуйкуйучи в смертельный захват и задушил его. Благоговение индейцев перед испанцами возросло еще больше.

Понадобилось некоторое время, чтобы собрать золото и переправить его через всю империю в Куско. Вторая половина ноября и декабрь 1532 года прошли без происшествий, если не считать прибытия партии золота «в виде удивительно больших брусков, ваз и кувшинов вместимостью до двух арроба. Некоторые испанцы, которых назначил для этого гу-

бернатор, начали ломать эти предметы, чтобы [комната] вместила больше золота. [Атауальпа] спросил их: «Зачем вы это делаете? Я дам вам столько золота, что вы насытитесь им!» Нетерпеливые конкистадоры начали надоедать Инке требованиями доставить обещанное золото. Он возбудил их аппетит описанием сокровищ двух крупнейших храмов империи: храма Солнца Кориканчи в Куско и великой усыпальницы и храма прорицаний Пачакамака, расположенного в прибрежной пустыне южнее современной Лимы. Атауальпа предложил Писарро послать испанцев надзирать за разграблением этих святынь – сам Атауальпа, вероятно, не видел ни одного храма и мог себе позволить не испытывать сантиментов по отношению к ним. Его больше заботило поклонение его собственным предкам – Инкам, и он отдавал строгие приказы, чтобы не трогали ничего, связанного с его отцом Уайна-Капаком. Его ближайшей целью было собрать выкуп, и ее можно было достичь, только забрав золото из храмов. Возможно, Атауальпа имел основания бояться, что жрецы в храмах предпочтут спрятать свои сокровища, чем пожертвовать ими для спасения узурпатора.

Пачакамак был святилищем доинковского периода. Его так почитали все жители прибрежной равнины, что инки не осмелились трогать его, когда завоевали побережье в конце XV века. Вместо этого они сделали его частью их собственной религии, построив ограду вдоль огромной ступенчатой пирамиды из сырцовых кирпичей, в пределах которой оби-

тали священные девы. Идол Пачакамака стал также отождествляться с богом – создателем инков, у которого не было имени, но его величали Илия-Тикси-Виракоча-Пакайякасик, что означало: Древний Бог-Создатель и Всемирный Учитель.

Верховный жрец и вождь Пачакамака появились в Кахамарке в конце 1532 года. Холодный прием оказал им Атауальпа, который попросил Писарро надеть на жреца цепи и с язвительной насмешкой велел жрецу просить своего бога об освобождении. Атауальпа объяснил Писарро, почему он так зол на Пачакамака и его жреца. Тамошний оракул сделал три катастрофически ошибочных предсказания: он сказал, что Уайна-Капак оправится от своей болезни, если его вынести на солнце, но он умер; Уаскару было предсказано, что он победит Атауальпу; а совсем недавно оракул посоветовал Атауальпе пойти войной на христиан, предсказывая их полное уничтожение. Атауальпа пришел к заключению, что святыня, которая допускает такие ошибки, не может быть вместилищем бога; а Писарро сказал ему, что он мудр, если пришел к такому выводу.

Находившимся в Кахамарке испанцам становилось скучно, их нетерпение росло. Они также все больше нервничали из-за своей изоляции и беспокоились, чтобы на них не было совершено нападение. «Каждый день губернатор продолжал получать донесения, что против него собираются воинские силы». «Господин губернатор и все мы… видели, что каж-

дый день нас подстерегает огромная опасность. По приказу этого предателя Атауальпы против нас постоянно стягивались войска. Войска прибывали, но не осмеливались приблизиться». Было донесение, что индейские войска сконцентрировались в Уамачуко, а это было в нескольких днях пути к югу от Кахамарки. На разведку был послан Эрнандо Писарро с 20 всадниками (включая авторов дневников Мигеля де Эстете и Диего де Трухильо) и несколькими пешими солдатами. Эта экспедиция выехала из Кахамарки 5 января 1533 года, но не обнаружила вражеских войск в Уамачуко. После пыток индейские вожди признались, что главнокомандующий войсками Атауальпы Чалкучима находится со своей армией не так далеко, чуть южнее. Эрнандо Писарро послал троих человек назад к брату с донесением и с небольшой партией золота, но «в дороге с ними приключилось несчастье. Эти трое, которые несли золото, поссорились из-за каких-то недостающих золотых предметов. Один из них отрубил другому руку – то есть сделал то, чего ни за какое количество золота не сделал бы губернатор». Теперь Франсиско Писарро дал разрешение своему брату отправиться в храм Пачакамака. Армии Чалкучимы не было видно, хотя небольшой отряд испанцев понимал, что он был «поблизости с 55 тысячами воинов».

Конный отряд под командованием Эрнандо Писарро отправился в глубь империи инков. Они двигались вверх по современному Уайласскому ущелью, и слева от них остава-

лись великолепные снежные вершины Уаскарана и Кордильера-Бланки, а бурная река Санта неслась по дну каньона внизу. Им оказывали хороший прием в городах, через которые они проходили, и у них была возможность восхищаться неспешной деловитостью индейцев. И Эрнандо Писарро, и Эстете с похвалой писали о подвесных мостах, дорогах и складах, мимо которых они проезжали. Их радовало все из того, что они видели в этой незнакомой империи.

Перу в эпоху инков явилось плодом развития в полной изоляции в течение тысячелетий. Оно простиралось вдоль горных цепей Анд и засушливой пустынной полосы, тянувшейся между ними и Тихоокеанским побережьем. К западу от него лежал самый большой в мире океан, к востоку – ошеломляющая преграда в виде лесов Амазонки, и к югу – мрачные дебри Араукании и Патагонии. Перуанцы создали уникальную цивилизацию в этом вакууме. Недавние археологические находки относятся к очень далеким временам, к эпохе, когда еще не было известно гончарное дело или земледелие. С той поры в течение тысячелетий перуанцы постоянно развивали свои умения, возможно получая стимул извне, но, вероятнее всего, все это было в полной изоляции. Великие цивилизации достигли пика своего развития и умерли задолго до расцвета племени инков. Мы знаем об этих цивилизациях только по названиям мест самых известных археологических находок, но можем воссоздать их образ жизни по массе найденных при раскопках материалов. В то время,

когда в Греции был золотой век, в Северном и Центральном Перу царила культура чавин, названная так в честь огромного каменного храма в горах над долиной, через которую проник отряд Эрнандо Писарро. Эта культура, известная своими высокостилизованными изображениями свирепых пум и злобных кондоров, дала толчок череде различных культур, развившихся в долинах вдоль Тихоокеанского побережья. На севере это была культура мочика, яркая цивилизация, о которой нам много известно, потому что ее керамика и ткани в большом количестве сохранились в сухой почве прибрежных захоронений. Многие керамические изделия культуры мочика являлись скульптурными изображениями, с большой долей натурализма дающими нам представление о типах лиц, повседневной жизни, растениях, войнах и сексуальных традициях ее народа. В это же время в Южном Перу цивилизацией наска создавалась керамика и ткани исключительной красоты.

Приблизительно в 1000 году н. э. мочика, наска и многие другие культуры, возникшие в долинах, были побеждены цивилизацией, которая, вероятно, взяла свое начало в Тиауанако рядом с озером Титикака на Боливийском плоскогорье. Типичная для этой культуры стоянка древнего человека в Тиауанако с монолитными статуями, каменными платформами и знаменитыми вратами солнца представляла собой древние руины на момент прихода завоевателей. Инки считали, что родиной их племени было озеро Титикака, и,

вероятно, из культуры Тиауанако они переняли многие строительные приемы и технику работы с камнем. В течение какого-то времени культура Тиауанако главенствовала в Перу, а затем из нее вышел целый ряд племенных государств или городов-государств. В горах жили могущественные племена: каньяри, чачапояс, кончуко, яривилька; уанка в районе Хаухи; чанка в Абанкае и Андауайласе; инки, колья и лупака у озера Титикака и многие другие. Но государством с самой утонченной культурой было государство Чиму на северном побережье Перу. В искусстве оно продолжило блистательные традиции культуры мочика, хоть и с меньшим успехом. Но огромные, построенные по законам симметрии города, сложные ирригационные и оборонительные сооружения, политическая система – все это было хорошо развито в культуре государства Чиму и перенято инками.

Проходя по территории государства Чиму, входящего в состав империи инков, испанцы из отряда Эрнандо Писарро увидели хорошо организованное сельскохозяйственное общество. Простые перуанцы жили незамысловатой крестьянской жизнью. Они занимались земледелием и жили коллективно, не имея частной собственности. Они были тесно связаны со своими семьями, родами, деревнями и полями крепкими узами. Из-за изолированного положения Перу его растения, животные и даже болезни были уникальны; все они были неизвестны захватчикам из Европы. У перуанцев не было тягловых животных, которые помогали бы им возделы-

вать землю. Они пахали с помощью ножных плугов, которые представляли собой длинные колья с заостренным и закаленным концом, снабженные упорами для ног и рук. Мужчины выстраивались рядами и пахали, разворачивая землю кольями; их жены располагались напротив и, низко наклонившись, разрыхляли мотыгами дерн и сеяли. Это было радостное событие, праздник, сопровождавшийся пением и возлияниями. По сельскохозяйственному календарю каждому месяцу года соответствовали свои сельскохозяйственные работы и свои праздники. В январе, когда Эрнандо Писарро двигался к храму Пачакамака, подрастала кукуруза, и крестьяне вместе со своими детьми выходили защищать ее от птиц и хищников. Кукурузу убирали в мае, самом важном месяце для сельхозработ. В июне из земли выкапывали картофель и оку (сладкий картофель). Хотя испанцы и не могли догадаться об этом, но картофель явился самым большим подарком всему человечеству от Перу. Родиной картофеля было Перу. Там произрастали разнообразные его виды всевозможных цветов. Подсчитано, что ежегодный урожай картофеля во всем мире стоит во много раз больше, чем все сокровища и драгоценные металлы, вывезенные завоевателями из империи инков.

Перуанские крестьяне жили в простых хижинах, крытых соломой и тростником, полных дыма и запахов, морских свинок, собак и блох. Помимо мяса морских свинок и иногда сушеного мяса ламы или рыбы, перуанцы ели вегетарианскую

пищу: в основном кукурузу, картофель и киноа (перуанское растение, похожее на рис). Перу – суровая страна: большая часть ее равнин представляет собой бесплодные высокогорные плато, которые расположены слишком высоко для обычного земледелия, или полоски прибрежной пустыни, в которой одну речную долину от другой отделяют мили и мили. Эта пустыня возникла из-за холодного течения Гумбольдта, протекающего вблизи перуанского побережья, и суша здесь имеет более высокую температуру, чем вода: влага вытягивается с суши, а не наоборот. Горные цепи Анд возвышаются пиками над узкой равниной, и дождевые облака со стороны Амазонки всегда натыкаются на преграду из горных хребтов. Все, что остается для нормального возделывания и проживания, это речные долины – тесные, осыпающиеся ущелья в горах или мелкие островки растительности на Тихоокеанском побережье. Почти нигде в Перу не найдешь больших участков богатой возделанной почвы, как в Европе или Северной Америке. К этим топографическим трудностям добавляется еще относительная скудость природных даров: за пределами лесов Амазонки в Перу было очень мало домашних животных, сельскохозяйственных культур и деревьев.

Инки применили весь свой выдающийся организационный гений, чтобы преодолеть эти природные недостатки. Были организованы сельскохозяйственные общины для постройки и поддержания в надлежащем виде сложных террас, подпиравших склоны гор широкими ступенями из грубого

камня. Водные ресурсы засушливой прибрежной равнины использовались экономно, а горные ливни укрощались с помощью прекрасных ирригационных каналов и канав. Администрация империи содержала склады с продовольствием и стада лам и альпака, главным образом для своих собственных нужд и нужд армии, но также для своего рода страховки на случай неурожая. Администрация империи перемещала сельское население с одного места на другое с целью сбалансировать жизненный уровень во всей империи, а также с целью размещения колоний из лояльных граждан среди племен, которые в будущем могут доставить беспокойство.

В результате такой административной деятельности и благодаря стабильному распорядку размеренного сельскохозяйственного труда население империи инков процветало. Но оно жило скудно питаясь: пища была бедна белками. Индейцам так недоставало молока, яиц и мяса – еды, столь привычной для европейцев. В их растении киноа, похожем на рис, было немного белка, так же как и в картофеле (который вымачивали, вымораживали и перемалывали в белую муку – «чуньо»); различные растения были источниками разумно сбалансированного количества витаминов. Индейцы ели дважды в день, утром и вечером, сидя на земле и беря пищу из мисок. В основном их еда представляла собой супы или каши. Всякому, кто в наши дни захотел бы попробовать пищи инков, нужно только остановиться в индейской хижине вдали от основных дорог. Женщина бросает зелень, карто-

фель и кукурузу в булькающий горшок и затем разливает это кушанье половником в миски домочадцев и гостей. Морские свинки суетятся под ногами и тащат все объедки, которые падают на грязный пол. Вареную картошку раздают прямо в руки вместе с грязью, все еще прилипшей к кожуре. Вареные или жареные початки кукурузы также едят с помощью рук. Инки сами для себя варили чичу, для этого старухи жевали кукурузу, чтобы их слюна дала начало ферментации. Это приятный напиток темного цвета, по вкусу напоминающий перестоявший сидр, а не «искрящаяся чича», по выражению Прескотта. Простым людям запрещалось пить более крепкие напитки, такие, как спирты, полученные на основе сахара, и жевать коку – это была привилегия знати. Так что повседневная жизнь в империи инков была большей частью жизнью крестьянских общин – постоянной борьбой за существование, прерываемой религиозными праздниками согласно сельскохозяйственному календарю.

Земледельцы того времени мало отличались от индейцев, живущих в Андах сейчас: они покорные и пассивные, сильные, стойкие и суеверные. Из них сформировался отличный пролетариат, послушный и глубоко консервативный. Их потомки выглядят флегматиками, даже меланхоликами, но у наиболее смышленых из них насмешливое выражение лица, чуть ли не издевательски насмешливое. Это красивые люди с кожей цвета меди и высокими монгольскими скулами. У них гордые римские носы, но их лбы и подбородки скоше-

ны назад. Дети, живущие в Андах, очаровательны; их черные глазки всегда блестят, а щечки постоянно здорового розового цвета. Они выглядят крепкими, так как у этой расы развились легкие и грудная клетка большего объема для дыхания разреженным горным воздухом.

Простые индейцы во времена империи инков носили стандартную униформу, им запрещалось любое разнообразие в одежжде. Одежда им выдавалась из общих запасов, и они носили ее и днем и ночью. Во время сна индейцы снимали только свои наружные украшения, что они делают и по сей день. Свою одежду – один комплект для повседневной носки и один для праздников – они постоянно чинили, но редко стирали. Мужчины носили набедренные повязки из куска ткани, пропущенного между ног и закрепленного на поясе спереди и сзади. Сверху они надевали белые туники без рукавов в виде мешка с прямыми боковыми краями и отверстиями для головы и голых рук, свисавшие почти до колен: в них они выглядели как римляне или средневековые пажи. Поверх туник они носили большие прямоугольные плащи из коричневой шерсти; их завязывали узлом на груди или на одном плече. Женщины носили длинные туники, прихваченные на талии поясом, довольно похожие на греческие; они свисали до земли, но по бокам имели разрезы, через которые при ходьбе были видны ноги. В сущности, это была ткань в форме прямоугольника, обернутая вокруг тела и закрывавшая грудь, а ее концы закреплялись на пле-

чах булавками. На талии ее держал широкий пояс, украшенный узорами или квадратиками. Поверх туник женщины надевали серые накидки, застегивавшиеся на груди с помощью большой декоративной булавки; накидки свисали сзади до уровня икр. И мужчины, и женщины ходили босыми или носили простые кожаные сандалии, которые завязывались на лодыжках.

Развиваясь в изоляции, перуанцы дошли до многих атрибутов других цивилизаций: у них были ткани, керамика, одежда, металлы, архитектура, дороги, мосты и ирригационная система. Но им не удалось сделать тех трех открытий, которые мы считаем основополагающими. Это – колесо, арочное перекрытие и письменность. Они использовали катки для перемещения больших строительных блоков, но так и не изобрели крутящееся на оси колесо. В отсутствие таких сильных животных, как лошади или быки, у инков был маленький потенциал для быстрых средств передвижения. Перу – это такая гористая страна, что ее дороги все время либо поднимаются вверх, либо спускаются вниз: все транспортные перевозки у инков совершались бегунами и носильщиками или караванами лам, груженных нетяжелой поклажей. До XX века большая часть Анд не имела дорог для колесного транспорта. Огромное количество превосходной керамики доколумбовского периода делалось вручную за неимением гончарного круга. Менее важным было отсутствие такого изобретения, как арочное перекрытие и замковый камень:

инки были великолепными каменщиками и умели строить прекрасные прямоугольные перекрытия. Боковые стороны дверных проемов и ниш они делали скошенными внутрь, чтобы уменьшить расстояние, которое нужно перекрывать наверху. В результате проемы в форме трапеций являются типичными признаками, характерными для построек инков.

Так и не дойдя непосредственно до письменности, перуанцы создали мнемонические средства, использовавшиеся для записи статистических данных или исторических событий. В культуре мочика для этой цели, очевидно, использовали мешочки меченой фасоли. У инков было их знаменитое узелковое письмо кипу, то есть ряды веревок, цвет и количество узелков на которых обозначали числа или понятия. У инков была также сложная система «протоколирования» общественной жизни; у них существовала каста профессиональных сказителей, которые, как гомеровские барды или средневековые трубадуры, устно передавали традиции из поколения в поколение. Отсутствие письменности – это большое препятствие для историков, занимающихся периодом завоевания: все записи сделаны только испанцами. К счастью для нас, испанцы часто расспрашивали инков об их прошлом как официальным путем, так и частным образом, что было инициативой отдельных людей, которые вели дневниковые записи. Племянник Атауальпы, Титу Куси Юпанки, надиктовал длинное повествование, и это единственная историческая запись со слов члена королевской фамилии ин-

ков. Некоторые хронисты пользовались рассказами матерей или жен инков, особенно Гарсиласо де ла Вега, Фелипе Гуаман Пома де Аяла и Хуан де Бетансос. Другие стали знатоками перуанского языка, кечуа, и узнали многое благодаря дружбе с членами семьи Инки. Выдающимся хронистом из их числа был священник Мартин де Муруа, чьи симпатии были на стороне индейцев и благодаря кому нам известны многие подробности того, что происходило в обществе инков в течение десятилетий после завоевания.

Таковы были цивилизация и народ, представшие перед маленькой экспедицией Эрнандо Писарро в январе 1533 года. Пятнадцать дней экспедиция пробиралась через горы и спускалась на прибрежную равнину, чтобы еще неделю ехать до храма Пачакамака. У великого храма их ждало жестокое разочарование. Как и боялся Атауальпа, жрецы спрятали большую часть сокровищ, если они у них вообще были. Святилище находилось на вершине огромной ступенчатой пирамиды, сложенной из сырцового кирпича. На каждой ступени было ограждение. Предполагалось, что каждый, стремящийся достичь ее вершины, должен поститься в течение года, и общение с оракулом разрешалось только при посредничестве жрецов. Нарушив правила, испанцы прошли мимо охраны и силой проложили себе дорогу прямо на самый верхний уровень. Мигель де Эстете вспоминал, какое разочарование постигло их в конце путешествия. Храм оказался маленьким помещением кубической формы, «стены ко-

торого были сплетены из тростника; в нем стояло несколько столбов, украшенных золотыми и серебряными листьями, а на его крыше лежали куски домотканой материи, чтобы защитить его от солнца… Его запертая дверь была густо усеяна разнообразными предметами: кораллами, бирюзой, хрусталем и другими штучками. В конечном счете ее открыли, и мы были уверены, что интерьер окажется таким же любопытным, как и дверь. Но все было совсем наоборот. Казалось, что это обиталище дьявола, так как он живет исключительно в мерзких местах… Там довольно дурно пахло и было темно, поэтому нам принесли свечу. С ней мы вошли в крохотную пещерку безо всякой отделки и украшений. Посередине помещался вкопанный в землю столб, наверху которого стояла статуя мужчины грубой работы. Видя всю эту грязь и пародию на идола, мы вышли и спросили, почему они его так превозносят, такого грязного и уродливого». Что же касается общения с дьяволом, Эрнандо Писарро, охваченный некоторыми сомнениями, писал: «Я не верю, что там они разговаривают с дьяволом, <…> так как я постарался выяснить это. Там находился один древний жрец, один из тех, кто был ближе всех к их богу, и он сказал, что дьявол велел ему не бояться лошадей, так как они внушают ужас, но не причиняют вреда. Его пытали, но он остался непреклонен в своей вере. Насколько можно судить, индейцы поклоняются дьяволу не из любви, но из страха… Я заставил всех окрестных вождей приехать и стать свидетелями моего вхо-

да [в святилище], чтобы они избавились от своего страха. У меня не было проповедника, поэтому я сам почитал им проповедь, разъяснив им обман, в котором они жили». Испанцы провели в храме Пачакамака почти весь февраль в тщетных поисках сокровищ. Смелость и дерзость Эрнандо Писарро и горстки его последователей не могут не произвести впечатления. Они беспечно ниспровергли такую древнюю и почитаемую святыню, которую не тронули даже инки во время своих завоевательных походов (фото 11). Они сделали это, зная, что от находящихся в изоляции соотечественников в Кахамарке их отделяют недели трудного пути.

Первоначально Атауальпа обещал, что его выкуп будет собран за два месяца – время, необходимое для того, чтобы послать гонцов в Куско и перевезти золото из его храмов в Кахамарку. После первых недель ожидания в город непрерывным ручейком потекли сокровища. «В некоторые дни прибывало 20 тысяч песо золота, в другие – 30, 50 или 60 тысяч песо золота. [Золото было в виде] больших кувшинов или ваз, вместимостью от двух до трех арроба [от 50 до 75 фунтов]; а также были большие серебряные кувшины и вазы и много других сосудов… Губернатор приказал, чтобы все это хранилось в здании, где находилась охрана Атауальпы. Для обеспечения большей сохранности сокровищ губернатор поставил христиан охранять их днем и ночью. Когда сокровища помещали на хранение, их все пересчитывали, чтобы не было обмана». Вероятно, это произвело на Атауальпу

большое впечатление и убедило его в том, что испанцы серьезно относятся к его предложению. Как только склад будет заполнен, испанцы со своей добычей, по-видимому, уедут, Атауальпа получит свободу и будет править страной, а его армия может даже уничтожить чужеземцев до того, как они покинут Перу. Поэтому он с нетерпением ждал завершения сборов выкупа, а это зависело от того, войдут ли в него золотые пластины, которыми был облицован храм Солнца в Куско. Один из братьев Атауальпы прибыл с партией сокровищ и сообщил, что еще большая их часть задержалась в Хаухе. Возможно, он также сказал, что разорение храма Кориканчи еще не началось. Поэтому Атауальпа предложил Писарро послать нескольких испанцев в Куско, чтобы они присмотрели за отправкой партии золота оттуда. Писарро очень не хотелось ввергать испанцев в новые рискованные предприятия в этой незнакомой стране, но он смягчился, когда от его брата Эрнандо Писарро прибыл гонец. Атауальпа пообещал отправить одного из своих родственников с любыми посланцами и приказать своим военачальникам – Чалкучиме в Хаухе и Кискису в Куско, – чтобы те гарантировали их безопасность. Наконец, добровольцами вызвались трое: Мартин Буэно и Педро Мартин, оба из Могера, и один из переводчиков, находившихся при армии Писарро. Они выехали из Кахамарки 15 февраля 1533 года. «Губернатор послал их, вручив Господу. С ними были индейцы, которые несли их в гамаках и прислуживали им».

Полководец Кискис, недавний завоеватель Куско, оказал посланцам весьма холодный прием. «Ему не нравились христиане, хотя он ими сильно восхищался… Он сказал им, что, если они откажутся освободить касика [Инку], он сам пойдет и освободит его». Приказы Атауальпы были недвусмысленны: золото должно быть снято с храма, но ничто, связанное с мумией Уайна-Капака, не должно быть потревожено. И Кискис отправил посланцев в храм Солнца Кориканчи. Как и предполагал Атауальпа, они нашли его нетронутым. «Эти здания были обшиты большими золотыми пластинами с той стороны, с которой восходит солнце, а с более затененной от солнца стороны золото было худшего качества. Христиане подошли к зданиям, и без помощи индейцев – которые отказались помогать, сказав, что это Дом Солнца и что они умрут, – христиане решили снять украшения <…> при помощи медных ломов. Что они и сделали, по их словам». Испанцы выломали 700 пластин, о которых Серес писал, что в каждой из них было в среднем по 4,5 фунта золота после переплавки. «Большей частью это были пластины, по размерам похожие на доски для сундука, длиной 3–4 пяди [2–2,5 фута]. Их снимали со стен зданий, поэтому в них были дырочки, как следы от гвоздей». Посланцам не позволили осмотреть весь город, но то, что им удалось увидеть, опьянило их. «Они сказали, что во всех храмах города было столько золота, что это было просто потрясающе… Они привезли бы гораздо больше золота, если бы это не задержало их

дольше, ведь они там находились одни, на расстоянии более 250 лиг от других христиан». И тем не менее «именем его величества они вступили во владение городом Куско». Они заперли одно здание, полное золотой и серебряной утвари, «и запечатали его королевской печатью и печатью губернатора Писарро, а также оставили охрану из индейцев». Они сообщили, что видели золотой алтарь для жертвоприношений весом 19 тысяч песо, который был так велик, что мог вместить двух человек. Другой огромный трофей – золотой фонтан изумительной красоты, сделанный из множества кусочков золота, – весил свыше 12 тысяч песо и был разобран на части для отправки в Кахамарку. Посланцы проникли даже в святилище, в котором находились мумии двух Великих Инков. Старуха в золотой маске отгоняла от них мух веером. Она настояла, чтобы пришельцы сняли обувь, прежде чем войти. Смиренно выполнив эту формальность, «они вошли и увидели мумии и украли много дорогих вещей, принадлежавших им».

Отношение полководца Кискиса к испанским посланцам показало, в каком затруднительном положении оказались военачальники Великого Инки. Чтобы спасти жизнь своему повелителю, они вынуждены были сотрудничать с его похитителями. И едва завершив свой триумфальный поход к Куско, они не смели сдвинуться с места, чтобы попытаться его спасти. Кискис располагался в Куско вместе с армией численностью 30 тысяч человек, а главнокомандующий Чалку-

чима находился в Хаухе, на полпути между Куско и Кахамаркой, с 35 тысячами воинов. Другие гарнизоны численностью несколько тысяч человек занимали стратегические центры, такие, как Вилькасуаман и Бомбон. На севере, между Кахамаркой и Кито, находился третий военачальник, Руминьяви, отвечавший за опорный пункт Атауальпы. Его армия увеличилась за счет войск, отправленных Писарро из Кахамарки домой, а также он мог набирать пополнение из дружелюбно настроенного населения. Руминьяви был единственный генерал, не оккупировавший вражескую часть империи, поэтому только его армия была относительно мобильна.

Эрнандо Писарро, находившийся у храма Пачакамака, был недалеко от Чалкучимы в Хаухе, если перейти через горы. Он воспользовался услугами индейцев-бегунов, которые передали военачальнику Великого Инки приглашение спуститься на побережье и встретиться с ним. Чалкучима передал свой ответ: он встретится с испанцами там, где по пути назад, в Кахамарку, они достигнут горной дороги в южной части Уайласской долины. Эрнандо Писарро принял условия встречи. Его отряд покинул храм Пачакамака в начале марта, но повернул в долину Чинча (современная Пативилька), к большому городу Кахатамбо. Местные жители утверждали, что Чалкучима уже прошел через этот город по пути на условленную встречу. «Но так как мы думали, что эти индейцы редко говорят правду, капитан решил выйти на королевскую дорогу», которая вела из Хаухи в Уануко, а затем в

Кахамарку вдоль реки Мараньон. Это означало, что придется пересекать безлюдные горы Кордильера-Уайуаш на высоте почти 5 тысяч метров. «Дорога шла через горы и была настолько занесена снегом, что мы испытывали большие трудности». «Люди очень ослабли, а лошади устали и нуждались в перековке».

11 марта испанцы вышли на королевскую дорогу у города Бомбон и узнали, что на самом деле Чалкучима находится все еще в Хаухе. Они двинулись на юго-восток и достигли этого города в воскресенье 16 марта. Несмотря на свою безрассудную храбрость, Эрнандо Писарро боялся приближаться к месту пребывания самого грозного военачальника Атауальпы. «Один из вождей, сопровождавших меня, с которым я хорошо обращался, предупредил меня, чтобы я приказал христианам идти вперед в боевом порядке, потому что он считал, что Чалкучима настроен воинственно. Вскарабкавшись на невысокую гору неподалеку от Хаухи, мы увидели на площади огромную черную массу, о которой мы подумали, будто это что-то сгорело. Но когда мы спросили, что это, нам ответили, что это были индейцы». «Мы не знали, были ли они воинами или горожанами». «Все солдаты шли вперед, думая, что мы будем сражаться с индейцами. Но когда мы вступили на площадь, вожди вышли, чтобы принять нас с миром», а зловещая темная масса оказалась «горожанами, собравшимися на праздник».

Эрнандо Писарро отправился в Хауху, чтобы «ласковыми

речами попытаться уговорить Чалкучиму сопровождать его до того места, где находился Атауальпа». Крохотный отряд надеялся «привезти золото, рассеять его армию и привезти Чалкучиму лично ради его же блага; а если бы он воспротивился, то напасть на него и схватить». Не слезая с коня, Эрнандо Писарро спросил, где Чалкучима, и узнал, что он ушел из города за реку. Вместе с Писарро находился один из сыновей Уайна– Капака и, возможно, брат Атауальпы Киллискача, которого и послали поговорить с ускользнувшим Чалкучимой. А тем временем испанцы очистили площадь от индейцев и разбили на ней лагерь, оставив лошадей взнузданными и под седлами на всю ночь. Писарро сказал местным вождям, что лошади рассердились и могут уничтожить любого индейца, неосторожно забредшего на площадь. Но ничто не может помешать индейцам в Андах веселиться во время их праздника: испанцы оказались в центре непрекращавшихся плясок, пения и разгула пьянства в течение всех пяти дней их пребывания в Хаухе.

Чалкучима вернулся в Хауху с принцем Киллискачей на следующее утро. Они ехали на носилках Чалкучимы в сопровождении великолепного кортежа. Военачальник пришел к Эрнандо Писарро, и они вдвоем провели целый день в переговорах, которые ни к чему не привели. Писарро пытался уговорить Чалкучиму поехать с ним в Кахамарку, заявив, что Атауальпа хочет, чтобы его военачальник был рядом с ним. Чалкучима объяснил, что Атауальпа еще раньше

прислал ему приказ оставаться в Хаухе, поэтому он не двинется с места, пока не получит четкий контрприказ. Если бы он уехал из Хаухи, вся эта область, несомненно, восстала бы и перешла на сторону Уаскара. Обе договаривающиеся стороны еще не пришли ни к какому соглашению, когда наступила ночь. Испанцы опять провели ночь в боевой готовности, в то время как Чалкучима обдумывал доводы, высказанные ему днем. По какой-то неизвестной причине он решил уступить. На следующее утро он вернулся, чтобы сообщить Эрнандо Писарро, что он поедет с ним в Кахамарку, раз уж тот так сильно этого хочет. Они тронулись в путь через два дня, захватив с собой большую партию золота и серебра и оставив Хауху под командованием принца, сопровождавшего Писарро.

Решение Чалкучимы было трагической ошибкой, одним из поворотных пунктов в крушении сопротивления испанским захватчикам. Самый грозный военачальник в империи инков добровольно отправился туда, где ему, как оказалось, был уготован плен. В момент своей капитуляции Чалкучима был одержавшим не одну победу полководцем, окруженным преданной армией. Он был почти такой же крупной добычей для испанцев, как и сам Инка, потому что воинская репутация Чалкучимы сложилась еще при Уайна-Капаке и могла оказаться достаточно весомой, чтобы он, объединив все силы, встал во главе сопротивления отряду Писарро. Возможно, он был в Перу единственным человеком, обладавшим

такими качествами, которых было достаточно, чтобы преодолеть ненависть, порожденную междоусобной войной, – несмотря на то что был главнокомандующим армией победителей-китонцев и сыграл свою роль в казни Уаскара.

Что заставило Чалкучиму изменить свое решение после целого дня упорных дебатов с Эрнандо Писарро? Некоторые испанцы с присущей им самоуверенностью решили, что «этот военачальник боялся христиан, особенно конных». Эрнандо Писарро писал, что «наконец, когда он увидел, что я полон решимости привезти его, он пришел по собственной воле». Но кажется невероятным, чтобы такой Голиаф, как Чалкучима, мог испугаться такого крошечного отряда испанцев, удаленного от основных сил. Эстете признал, что «у него было столько воинов, что случилась бы большая беда, вздумай он напасть ночью на христиан… У Чалкучимы были специальные интенданты, отвечавшие за снабжение его армии; у него было много плотников для работ по дереву; во многом его обслуживание и личная охрана были поставлены на широкую ногу; у него было три или четыре носильщика. Короче, он подражал своему повелителю в организации всего своего хозяйства и во всех других отношениях. Его боялись по всей стране, так как он был очень доблестный воин и завоевал по приказу своего господина более 600 лиг территории. В ходе завоеваний он провел много сражений как на равнине, так и в труднодоступных местах и одержал победу во всех из них. В этой стране ему больше нечего было заво-

евывать». «У этого военачальника было много прекрасных воинов: в присутствии христиан он пересчитал их на своих узелках [кипу], и их оказалось 35 тысяч».

Значит, Чалкучиму ввели в заблуждение «ласковые речи» Эрнандо Писарро, которым индейский принц прибавил убедительности. Он, очевидно, поверил заявлению, будто Атауальпа желает, чтобы его полководец сопровождал испанцев по пути в Кахамарку. Возможно, ему было любопытно узнать при личной встрече с Атауальпой, чего тот хочет от него и его армии и как ему следует относиться к испанцам. Возможно, он боялся, что если кто-нибудь из них будет убит в стычке с его армией, то пострадает Атауальпа. Хотя если бы Чалкучима взял в плен Писарро, он мог бы начать торговаться: Писарро в обмен на Инку. Он глубоко недооценил последствий своего поступка, так как, выехав из Хаухи с этой обманчиво маленькой шайкой чужестранцев, он доставил себя прямо в плен и в конечном счете встретил смерть.

Чалкучима приказал своим людям сделать для коней испанцев серебряные и медные подковы. Путешествие из Хаухи в Кахамарку было приятным. Во время поездки испанцы получили привилегию увидеть страну в сопровождении гида, которым был ее самый выдающийся полководец. Жилье и припасы для людей и лошадей были наготове при каждой остановке на ночлег. В течение двух дней, проведенных путешественниками в Уануко, там проходили особенно красочные празднества. Развалины города, в настоящее время

известные как Уануко– Вьехо, находятся выше Ла-Унион, дальней деревушки у верховьев реки Мараньон. Они представляют собой превосходную работу по камню и являются уникальными, будучи единственными руинами крупного города инков, оставшегося нетронутым во время более поздней оккупации (фото 10). Упавшие на землю серые камни городских домов и плиты храмов лежат на краю плоского участка безлесной, лишенной красок саванны, и только время оставило на них свой след. Из Уануко путешественники поехали на север по прекрасной местности между восточными склонами Кордильера-Бланки и огромным ущельем реки Мараньон. (В этот район даже сейчас еще не проник автомобильный транспорт, и почти каждый обрывистый склон увенчивают живописные разрушенные башни доинковской цивилизации яривилька. Это солнечная местность, проезжая по которой путешественник минует горные деревушки и любуется потрясающими долинами, круто спускающимися к реке Мараньон.) Несколькими месяцами раньше Чалкучима с боями пробивался по этой дороге. Около одного моста над труднопреодолимым каньоном он рассказал своим попутчикам, как в течение трех дней воины Уаскара защищали эту позицию, а затем сожгли мост и заставили его воинов преодолевать реку вплавь.

Эрнандо Писарро вошел в Кахамарку 25 апреля после трехмесячного отсутствия. «Испанцы вышли нам навстречу в великой радости». И у них была для этого причина: воз-

можно, Писарро и не нашел много сокровищ, но зато он привез важного пленника. Теперь статус Чалкучимы резко изменился. Во время поездки он был попутчиком и хозяином. А теперь он стал фактически пленником, которого охраняли не менее 20 испанцев в течение всей его оставшейся жизни. Его первым побуждением было получить аудиенцию у Атауальпы, и на испанских наблюдателей произвело большое впечатление то, как соблюдался протокол при встрече пленного правителя и его главнокомандующего. «Когда Чалкучима вошел в двери, за которыми содержался в заключении его господин, он принял из рук сопровождавшего его индейца груз и положил его себе на спину, как это сделали и многие другие вожди, пришедшие вместе с ним. Он вошел к своему господину, неся этот груз на спине, а когда он увидел Атауальпу, он поднял руки к солнцу в знак благодарности за то, что ему позволено видеть его [Атауальпу] снова. Он подошел к нему с великой почтительностью, плача, и поцеловал его лицо, руки и ступни; и другие вожди, пришедшие вместе с ним, сделали то же самое. Атауальпа продемонстрировал все свое величие. Он не посмотрел ему в лицо и не обратил на него ни малейшего внимания, как если бы перед ним стоял самый бедный индеец, хотя в его империи не было человека, которого он любил бы так же горячо». «Касик Атауальпа был глубоко расстроен приездом своего военачальника, но так как он был очень умным человеком, то притворился, что рад».

Теперь, когда Чалкучима был в их власти, испанцы начали с ним жестоко обращаться. Они были убеждены, что, когда он завоевал Куско, он должен был захватить и золото Уайна-Капака и Уаскара, – посланцы еще не вернулись, чтобы подтвердить, что оно все еще в городе. Когда губернатор Писарро стал настойчиво требовать золота, Чалкучима мог только протестовать, «что у него нет золота и что они привезли все». Ему никто не поверил. «Все, что он говорил, было ложью. Эрнандо де Сото отвел его в сторону и пригрозил, что сожжет его, если он не скажет правду. Он повторил свой ответ. Тогда они поставили столб и привязали его к нему, и принесли много хвороста и соломы, и сказали ему, что подожгут его, если он не скажет правды. Он попросил их позвать его повелителя. Атауальпа пришел с губернатором и поговорил со своим связанным полководцем». Чалкучима объяснил, в какой опасности он находится, но Инка сказал, что это блеф, «так как они не посмеют сжечь его». Затем они еще раз спросили его о золоте, и он так и не сказал им ничего. Но как только они разожгли огонь, он попросил, чтобы его господина увели, потому что он делал ему глазами знаки не открывать правды. И Атауальпу увели.

«Затем Чалкучима сказал, что по приказу касика он три или четыре раза выступал с большой армией против христиан. Но, как уже известно христианам, его правитель Атауальпа лично приказал ему отступить из страха, что христиане убьют его… Тогда они отнесли этого индейского военачаль-

ника в дом Эрнандо Писарро и приставили к нему хорошую охрану. Такая охрана была необходима, потому что значительная часть армии подчинялась больше его приказам, чем приказам их господина, самого Атауальпы… И хотя он сильно обгорел, многие индейцы пришли служить ему, потому что они были его слугами». Позже Эрнандо Писарро засвидетельствовал, что Чалкучиму принесли к нему «с обожженными руками и ногами и высохшими сухожилиями; и я лечил его в своем жилище».

Глава 3
Под давлением обстоятельств

В канун Пасхи, 14 апреля 1533 года Франсиско Писарро вышел из Кахамарки, чтобы приветствовать своего партнера Диего де Альмагро, который со свежими силами – его отряд насчитывал 150 испанцев – двигался в глубь страны. «Оба старых друга и компаньона встретились, изъявляя взаимную любовь. Маршал [Альмагро] немедленно нанес визит Атауальпе, поцеловал его руку с великой почтительностью и дружески побеседовал с ним». Атауальпе было нечему радоваться, так как вновь прибывшие кардинально изменили баланс сил в Кахамарке.

Хотя Альмагро и болел в Панаме, он выполнил свою часть партнерского соглашения: экипировал вооруженный отряд из 153 испанцев и 50 лошадей, построил корабль «с двумя топселями», заполучил корабли Эрнана Понсе де Леона и знаменитого мореплавателя Бартоломе Руиса – они незадолго до этого вернулись из Перу – и пошел на кораблях на юг вдоль Тихоокеанского побережья. Альмагро, как и ранее Писарро, высадился на побережье Эквадора, и его экспедиция выбилась из сил, ведя поиск вдоль него. Он двинулся к Тумбесу, но местные жители не шли с ним на контакт; и только когда один из его кораблей доплыл до Сан-Мигеля, он и

его люди узнали о таком успехе их соотечественников, о котором нельзя было и мечтать. Писарро со своей стороны послал своего секретаря Педро Санчо и других, чтобы поджидать Альмагро на побережье. Он даже хотел послать золото для вновь прибывших, чтобы заплатить за их корабли, так как ходили нехорошие слухи, что Альмагро, возможно, попытается начать свой собственный завоевательный поход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.